Андрей Швец
ЗОЛОТОЙ ГОРОД
ТРИЛОГИЯ:
БРАТСТВО БЕЛОЙ
МЫШИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Молодых людей, Марка и Беллу, называют «снами третьего или больше уровня». Как и полагается по жанру, им предстоит спасти свой мир. Но стоит ли он их усилий? В чем предназначение миров и есть ли смысл в человеческом страдании? Вам кажется, что описываемые в повести опасности не имеют отношения к нашему миру и человечеству, что это фантастика. Но задумывались ли вы над тем, что наблюдаемая в наше время акселерация – это начало конца, «черная метка», которую уже получали в свое время терапсиды и динозавры? меньше

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

Андрей Швец
БРАТСТВО БЕЛОЙ МЫШИ. ЗОЛОТОЙ ГОРОД
(первая книга трилогии, версия 3.01)

.

Глава 1

.

Капля воды, готовая сорваться с крана, неестественно замерла. Но время, безусловно, продолжало течь. Марк наблюдал, как его мама неторопливо поправляла на себе одежду и над ее головой постепенно образовывалось розовое облако. Розовая субстанция поднималась из ее тела, собираясь в покачивающийся

пузырь.

– Ты должен выйти, – продолжала она какую-то мысль, – я не должна это говорить, потому что я – мать, но именно поэтому тебе и говорю… Я даже не верю сама, что это говорю… Я теперь ни в чем не уверена. Но уверена, что ты должен выйти.

Тени в прихожей стали мягче и теплее, сбалансировав композицию.

– Я, может быть, и заперла бы тебя здесь, огородив от всего в этом и других мирах… Я, может быть, этого больше всего бы хотела, но сейчас я как не в себе.

Розовый пузырь, оторвавшись от макушки матери, стал плавно подниматься и приближаться к потолку.

– Ты должен выйти…

Она бросила еще один взгляд на зеркало и посмотрела на обувь. Розовый пузырь, нисколько не задерживаясь, прошел сквозь потолок. Тени стали резче. Дверь открылась, впустив звуки городской улицы, и снова закрылась за женщиной.

Композиция поменялась, и взгляд Марка автоматически выбрал более удачный ракурс прихожей. Неестественно замершая капля воды обостряла ощущение нереальности происходящего.

Марку хотелось спать. Он колебался и смотрел то на ванную, то на кровать. Ложе, выпрямляя образовавшиеся за ночь неровности, стало медленно раскачиваться из стороны в сторону. В движении было столько томности и почти эротичности, что Марк не выдержал и снова лег. О странном розовом пузыре решил подумать потом.

Но только юноша закрыл глаза – раздался сигнал вызова. Парень вытянул руку из-под одеяла, пытаясь жестом включить громкую связь, но ничего не происходило. Марк опять поднялся с кровати, подошел к лежащему на столе гаджету и закрепил его на своем виске

– Слушаю.

– Выходи сейчас же, – произнес уверенный женский голос.

– Зачем? И кто это говорит?

– Встретишь меня на улице. А разве можно кого-нибудь встретить, не выходя из дома? Ты ведь хочешь, чтобы к твоей матери вернулось ее осознание.

Разговор прекратился. Встревоженный Марк прошел в ванну. Сначала он не придал большого значения увиденному розовому пузырю, привыкнув к тому, что его воображение часто дополняет и приукрашивает действительность. Но слова о покинутом осознании его беспокоили. Капля воды, наконец, сорвалась вниз.

Марк, словно опьяненный, оделся и вышел из квартиры, однако отрезвления не произошло. На другой стороне улицы от

прохожего с собакой отделился такой же розовый пузырь. Собака на него гавкнула и продолжила обнюхивать куст, стараясь успеть считать с него всю информацию до того, как натянется поводок.

Марк шел привычной дорогой к центру. По пути его взгляд выхватывал наиболее интересные кадры, автоматически меняя оттенки цветов и контрасты контуров. Самые удачные ракурсы он, моргая, фотографировал. Почти перед всеми людьми на уровне лица висел полупрозрачный голографический экран, позволяющий видеть окружающее и следить за новостями в соцсетях одновременно. Среда – день выборов, и на улице было полно политиков, с которыми прохожие старались не встречаться взглядами, чтобы кто-нибудь из них не увязался следом.

На площади выступал один из невыбранных в мэры политиков. Марк не помнил, как его зовут, но помнил, что его не выбрали в мэры. Присутствовало лишь небольшое число зевак, привлеченных аттракционом – куском купола Золотого Города, главного в Содружестве Городов. Купол показывал каждому смотрящему ту часть планеты, которую он хотел бы разглядеть.

– Хотите чувствовать себя особыми и значимыми – выберите нас, – обращался политик к десятку зевак. – А мы обещаем вам быть невзрачным и безликими винтиками системы. Так зайцы, назначая мышь царем, унижают львов и сами чувствуют себя царями зверей.

Марк находился в состоянии, близком к гипнотическому трансу. Розовые пузыри по-прежнему покидали тело то одного, то другого человека. Марку исполнилось 18, и он привык к тому, что его воображение постоянно изменяло мир, поправляя его. Но в пузырях чувствовались самостоятельность и самодостаточность. Даже если, кроме Марка, их никто не видел, они не были плодом его воображения. Тело его матери, как и тела других людей, покинуло нечто очень важное. Но непостижимость происходящего, как это ни странно, завораживала и даже успокаивала. Юноша чувствовал себя наблюдателем из другого мира.

Неожиданно возникшая перед ним женщина передала Марку листовку. Парень всегда их брал и выбрасывал, как только скрывался из вида. Такое поведение объяснял нежеланием обижать распространителей, но на самом деле он избегал необходимости отстаивать свое решение и свою позицию. Ему было проще взять, улыбаясь, и затем незаметно выкинуть.

Марк скользнул взглядом по листку и вздрогнул. Крупным шрифтом было написано: «Ты должен выйти…». Юноша поднял глаза. Красивая дама с гордым, почти высокомерным лицом была одета в подобие длинного греческого хитона с вышитыми на нем

ни то козами, ни то баранами. В руках у нее ничего не было. Наверное, подумал Марк, листовка была последней.

– Я тебя нашла, Марк, – произнесла женщина, удивив юношу тем, что знала его имя. – Я – Гера.

Она сделала паузу, видимо, ожидая какой-то реакции на свои слова, но Марк стоял растерянный и не проявлял никаких эмоций. Он не знал эту женщину, и ее имя ничего ему не говорило. Имя Гера у него ассоциировалось только с древними мифами, и то юноша не помнил, с какими именно.

– Пузыри, которые тебя удивляют и пугают, – осознания, покидающие бренные тела. Обычно это происходит, когда живое создание погибает, но не в этот раз. Осознания покидают ваш мир, а живые создания превращаются в биологических роботов. Это все равно, как если бы Гомер превратился в компьютер, пишущий стихи. Ты же читал стихи, написанные компьютером?

Улыбаясь, Гера взяла юношу за локоть и увлекла за собой, вокруг площади. От ее высокомерности не осталось и следа, а в манере говорить появилось что-то располагающее к себе, почти гипнотизирующее. Марк был рад, что кто-то может объяснить происходящее, но пока ничего не понял из этого объяснения и ждал продолжения.

– Ваши ученые мужи полагают, что знают, как работает мозг. Но он почти так работает, и это «почти» – осознание. И когда оно покидает тело, то тело либо погибает, либо превращается в этакий бездушный компьютер, который «почти» думает и «почти» осознает. Но на самом деле, увы, не умеет ни того ни другого.

– Разве человек может превратиться в компьютер? – спросил Марк, думая о своей матери.

– Ну, разумеется. Шизофреник частично – ангел, а частично – биологический компьютер, потому что часть его осознания уже воспарила, оставив тело, которое продолжает действовать как программа. Ты же читал стихи шизофреников?

– Шизофрения, – повторил Марк, – и моя мама?

– И твоя мама тоже, – подтвердила Гера.

– Но они же не похожи на… – начал было возражать юноша.

– Поверь мне, мой дорогой, не всегда разглядеть в человеке шизофреника легко. Он прекрасно себя чувствует в упорядоченном мире. Но боится любой неопределенности, любой энтропии, любой нестабильности. Хотя, даже и не боится, скорее просто не приспособлен к ней, энтропия – лакомство, амброзия для осознаний, но яд для компьютеров и механизмов.

– А почему… – начал было формулировать новый вопрос Марк и запнулся.

– Ой, тут запутанная семейная история, –

покровительственно улыбнулась Гера, продолжая вести юношу вокруг площади, но уже отпустив его локоть. – Мой братец Боб – текущий бог-покровитель вашего мира, известный экспериментатор и авантюрист, решил от вашего мира избавиться. Захотел стать свободным богом-магистром, видите ли. Но являясь богом-покровителем, он не может не помогать своему миру, то есть этому. Он связан, как и все мы, Небесной Офертой. И тогда он превратил себя в белую пушистую мышку. Перевоплотившись полностью в земное существо, он уже не может выполнять свои покровительские функции. Это то же самое, как если бы весь мир покинуло осознание. Он почти такой же, но только почти. И он начинает саморазрушаться, что мы сейчас с тобой и видим.

Произнося последние слова, Гера отмахнулась от очередного розового пузыря, который пролетел совсем рядом. Марк отметил, что если, как он уже изучил, другие пузыри не реагировали ни на предметы, ни на ветер, то этот от взмаха Геры отлетел в сторону, как воздушный шарик.

Парню начало казаться, что его заманивают в какую-то секту, и он стал озираться вокруг, в поисках пути отступления. Политик уже прекратил выступление и разговаривал с двумя мужчинами, на майках которых было написано «Гога» и «Магога». Один из них неожиданно посмотрел в глаза Марку, и юноша сразу отвел взгляд. Гера тоже глянула в сторону мужчин и даже кивнула им.

– Хорошо, я пойду, – сказал Марк, пытаясь сбежать.

– Ну, не для того я тебя искала, чтобы так просто отпустить, – опять улыбнулась Гера, и юноша почувствовал себя приклеенным к тротуару.

– Вы меня искали? – изумленно спросил Марк.

– Да, меня попросили это сделать в обмен на ответную услугу. Я нахожу сон третьего, а может, и больше, уровня, а они помогают мне разрушить тюрьму для осознаний на вашей планете.

– Они?..

– Да, я поклялась своим собственным именем, что освобожу осознание матушки Сью, но мне нужна помощь, – Марку показалось, что упоминание о необходимости чьей-то помощи было не очень приятно для его собеседницы.

Женщина опять посмотрела в сторону, где стояли Гога и Магога, а Марк почувствовал, что снова обрел возможность ходить. Буркнув что-то вроде извинения, он воспользовался тем, что внимание Геры отвлеклось, и поспешил прочь. Но женщина снова внезапно оказалась перед ним, преградив путь.

– Ты должен выйти. Выйти не только из квартиры и своего

уютного мира, ты должен выйти за пределы своего представления о мире. Это не просто, но я тебе помогу, желаешь ты этого или нет, – выражение лица женщины снова стало холодным и высокомерным. –Я, пожалуй, буду убивать людей вокруг тебя, если ты проигнорируешь мои слова.

И Гера исчезла так же неожиданно, как появилась, а Марк почувствовал досаду из-за того, что кто-то заставляет его принимать решение, да еще такими нелепыми и театральными, как ему показалось, угрозами.

Юноша пошел обратно, по направлению к своему дому, выбросив в урну листовку. Он всегда выбрасывал мусор в урны. Все происходящее напоминало ему дурной сон – нужно было быстрее вернуться домой, встретить там маму, нормальную, или… проснуться. Но то, что произошло, заставило Марка остановиться.

Сначала прямо перед юношей у прохожего открылся чемодан, и его содержимое вывалилось на тротуар. Мужчина смущенно и суетливо принялся собирать вещи, а юноша в нерешительности остановился перед ним, не зная, помочь или нет. Проходившие мимо люди разглядывали выпавшие вещи, а затем один за одним поднимали головы, наблюдая, как с высокого здания, замедленно, словно сухой лист, падал человек. Мужчина уложил одежду и собирал рассыпавшиеся флаконы. Падающий незнакомец перевернулся в воздухе и облетел фонарный столб. Мужчина пытался закрыть чемодан, надавливая на его крышку коленом, и, когда замки щелкнули, человек упал на тротуар.

Бледный розовый пузырь отделился от лежащего и поднялся над обступившими его людьми, которые интенсивно моргали, фотографируя происходящее. Красивая дама с длинными каштановыми волосами сказала, что она врач, пробралась к упавшему и через пару секунд произнесла что-то, что заставило стоящих заохать. Марк тоже машинально изобразил горе.

– Ничто так не оберегает смерть, как жизнь, не так ли? – сказал, обращаясь к Марку, человек с чемоданом.– Все живое заботится о своей смерти больше, чем о жизни. И не стоит стесняться, если тебе не жаль умерших. Может, ты просто живее всех остальных, если не разделяешь жизнь и смерть.

После этих загадочных слов человек с чемоданом исчез на другой стороне улицы. Марк всегда стеснялся быть в числе зевак и торопливо, не оглядываясь, пошел дальше. Он еще не был готов к тому, чтобы всерьез относиться к словам Геры, но и полностью игнорировать их не мог. Поэтому, пройдя немного по улице, свернул в подворотню. Что было своего рода компромиссом между требованием Геры и собственным желанием поскорее

вернуться домой.

Воображение Марка сразу принялось преобразовывать увиденный двор. Дома вытянулись, а красное пятно сместилось влево, уравновешивая композицию. Однако пятно вздрогнуло и начало самостоятельно приближаться, оказавшись бездомным в ярких лохмотьях.

Как и многие люди, очутившиеся на самой нижней ступени социальной лестницы, этот бездомный тоже жил в собственной, придуманной им среде, в которой играл не последнюю роль. Его манера говорить должна была показать собеседнику, что ему многое известно и доступно благодаря многочисленным связям, бывшим заслугам и еще чему-то такому, про что он не собирается рассказывать каждому встречному.

– А я смотрю, кто это меня тут двигает? А это сон третьего, а может, и большего уровня… Все, как она и говорила. Полдня тебя тут дожидаюсь.

– Меня? – машинально переспросил Марк.

– А кого же? Мы должны тебе дать шанс самому сделать шаг навстречу. Она так и сказала: этот шаг должен сделать он сам, по собственной воле.

– Она?

– Да, она у нас иногда появляется и обязательно ко мне заходит, за помощью всякой. Много бы я мог рассказать, – захихикал бездомный, тоже беря за локоть Марка, – но всего нельзя рассказывать.

Юноше было неприятно, что этот человек держит его и ведет к двум серым дверям в стене, но ему не хватало решимости выдернуть руку и отстраниться.

– Ты должен сам сделать выбор, – бездомный показал на двери, – в какую из них войти.

– А что за ними?

– Страдания и сомнения.

– За обоими?

– Да.

– Как же я выберу?

– Если бы за одной были страдания, а за другой – счастье, разве это был бы выбор? Выбирает ли греющаяся кошка, перебираясь опять на солнце, когда ее настигнет тень? А если бы за обоими дверями таилось благоденствие, то это и не выбор, а баловство.

– Ну, и эти двери одинаковы.

– Вот и нет. Произнеси «счастье», и каждый себе представит определенный образ, свой личный рай, а скажи «страдания» – и у каждого возникнет сомн видений. Все страдания – разные.

Поэтому и двери эти разные.

– Но я не хочу выбирать из страданий!

– Ты просто не привык быть свободным. А ведь свобода и есть трудный выбор. Если выбор легок, то тобой руководят либо изнутри, либо снаружи, это легкость марионетки, возомнившей себя свободной. А трудным может быть выбор только между страданиями.

Бездомный со всезнающей ухмылкой отошел в сторону, предоставляя юноше свободу выбора. Марк чувствовал, что над ним либо потешаются, либо хотят унизить, что, как правило, одно и то же. Он хотел уйти, но не решался, потому что просто уйти нельзя, а чтобы что-то решительное сказать или сделать – не хватало духу. Бездомный отвлекся, прогоняя кошку, и это оказалось как нельзя кстати. Марк повернулся, сделал шаг и… провалился в открытый люк.

.

Глава 2

.

Марк не успел ни о чем подумать, пока летел вниз. Последнее, что он увидел, – ухмылка бездомного, как будто именно этого он и ожидал. Как бы то ни было, но юноша сам сделал шаг навстречу своей судьбе, которая с этого момента круто изменилась.

Марк приземлился на стул, который сначала спружинил, опустившись под ним почти до пола, потом снова распрямился и… побежал по длинному блестящему коридору. Юноша прижался к спинке стула и ухватился за него руками. Свет от ламп, которые зажигались при их приближении, отражался от стен коридора, и воображение Марка превратило эти отсветы в завораживающую игру света, в которой за кажущимся хаосом угадывалась некоторая скрытая закономерность.

Стул вместе с Марком вбежал в просторный полутемный зал и остановился перед двумя незнакомцами в старомодной одежде. Марк автоматически отметил, что они похожи на профессоров. Один – среднего возраста, уверенный и импозантный, второй – гораздо старше, растерянный и сутулый.

– Слава Гере, она нашла тебя, – произнес «уверенный». – Я – магистр Генри. А мой друг – магистр Петр.

Стул под Марком заерзал и подбросил его немного вверх, заставив встать.

– А многоуважаемый стул, который тебя встретил, – Леопольд.

Стул оббежал юношу, встал перед ним и сделал ножками подобие реверанса.

– Я, конечно, не магистр, но на мне восседали великие ученые и маги, и многим они обязаны, без лишней скромности…

Магистр Генри жестом прервал поток слов, исходящий неизвестным образом от стула. Леопольд сразу замолчал, но недовольно передернул своей спинкой.

– Наша задача – предотвратить разрушение этого мира, вернуть осознания в тела, в том числе и в тело твоей матери, – сказал магистр Генри. – Мы тебя оставим с Леопольдом и пастором ненадолго. А чуть позже к вам присоединятся и Белла с Сергеем.

Петр с любопытством оглядывался вокруг и, казалось, не совсем понимал, где находится. Магистр Генри тронул его вежливо за рукав, возвращая к реальности. Петр закивал и засеменил за товарищем.

Оба магистра исчезли в неосвещенной части зала. Марк по-прежнему оставался на удивление спокойным. Его человеческая, эмоциональная составляющая отошла на второй план, уступая метафизической сущности, которую, видимо, удивить гораздо сложнее. И как ни странно, но говорящий стул удивлял менее всего, потому что с развитием технологий говорящих предметов, выполняющих роль домашних роботов, становилось все больше.

Пастор и стул оказались в некотором замешательстве, оставшись без магистров. Первым прервал затянувшуюся паузу пастор.

– Я покажу наш скромный храм, – произнес священник, как потом оказалось, Церкви Святой Энтропии, и жестом пригласил к экскурсии.

– Ну, я-то здесь и так все знаю, да и мне ли не знать: кто только на мне не сидел, и многие-многие были адептами Церкви, – вставил слово Леопольд.

Они двинулись вглубь зала, за ними свет гас, а перед ними загорался. Контрастное освещение делало всю работу за Марка. Выхватываемые светом предметы и их резкие тени составляли неожиданные композиции.

– А это наш новый алтарь, – указал пастор на полупрозрачное сооружение, напоминающее кристалл, внутри которого мерцало множество огоньков.

– Старый мне нравился куда больше, – опять обратил на себя внимание Леопольд.

– Этот лучше передает суть учения, – наставническим тоном заметил пастор, сразу превратившись в мудрого служителя культа. – Рост энтропии – высшее благо и высшая цель развития осознания любого уровня.

– Ну, об этой сути я бы еще поспорил, ведь изначально…

Чувствовалось, что стул мог долго рассуждать на эту тему, но его прервало появление девушки и парня, ровесников Марка. Композиция зала перестала быть гармоничной, возможно, еще и потому, что Марк был смущен и растерян, как и всегда в таких случаях. Он отвел глаза и какое-то время не знал, куда деть руки, пока не свел их за спиной, предварительно потерев ладонью шею.

Пастор представил их друг другу. Парня звали Сергеем, а девушку Беллой. Белла смотрела доброжелательно, а Сергей, смерив взглядом, больше уже не удостаивал Марка таким пристальным вниманием. Даже руку пожимал, смотря по сторонам, с видом если не хозяина, то очень своего здесь человека.

– Значит, мы можем уже отправиться в путь, раз его нашли, – сказал Сергей пастору.

– Магистры просили подождать, – ответил пастор, – и вы еще не просмотрели все новые инсталляции!

Священнослужитель несколько суетливо повел их по периметру зала, показывая голограммы. Первая из них являла собой черный объемный шар. Он выглядел абсолютно мертвым и холодным, но стоило посмотреть на него внимательно – начиналось погружение, и по мере погружения усиливалось ощущение хаоса, потом шар опять удалялся, снова становясь холодным и безжизненным.

– Красиво, но тоже не оригинально, одно лето я работал в Федеральном музее, и не такое там видел, – комментировал Леопольд.

– Тепловая смерть, – с видом знатока пояснил Сергей Белле.

– Я слышала, – сказала девушка, лишь вскользь проведя взглядом по голограмме.

– Совершенно верно, – подтвердил пастор к удовольствию Сергея. – Если энтропия системы равна нулю, то она – мертва, то есть может находиться только в одном состоянии. И это может произойти, если энтропия частиц, ее составляющих, либо максимальна, либо тоже равна нулю.

– Две крайности в одинаковой степени приводят к смерти всей системы. Как это поэтично! – воскликнул стул. – Так Дедал не может опускаться слишком низко к морю, чтобы не намочить перья, и не может подниматься слишком высоко, чтобы не растопить воск, скрепляющий крылья.

Сергей, по прежнему не глядя на Марка, держался как равный пастору и пытался привлечь внимание девушки. Он бесцеремонно трогал экспонаты и даже попытался шутливо усесться на Леопольда, что, впрочем, ему не удалось.

– А это наш основатель Кларк Л. Похищенный и замученный

врагами Церкви, – сказал пастор трагическим голосом, указывая на абстрактную композицию.

– Но ведь это не смогли доказать, ясно было только одно – Кларк пропал, – уточнил Леопольд.

– Он же не мог просто так пропасть, а враги у церкви были всегда.

Пастор попросил Марка распутать узел ремня, обвязанного вокруг большой коробки, а сам взялся за другой. Юноша уже понял, как можно распутать, но Сергей его отстранил, развязал узел и подал ремень Марку, как бы говоря «ну, и что ты тут копался?».

Марка злило поведение Сергея, поэтому трудно было сконцентрироваться на происходящем. Пастор убрал упаковку и провел рукой по открывшейся панели. Появилась еще одна голограмма. На этот раз – перевернутая пирамида, которая опиралась на вершину, вращаясь и качаясь из стороны в сторону. В движениях не чувствовалось системы, они было нарочито случайными.

– Символ жизни,– опять опередил всех Сергей.

– Жизнь как способ передачи энтропии с низшего уровня на высший, – затараторил Леопольд, – причем заметьте, не только органической. Живой организм передает неопределенность одного атома на макроуровень. Живое общество передает неопределенность одного живого существа на еще более высокий уровень, на уровень всего общества…

– Когда передает, а когда и нет. Вы видели, что творится в городе? – перебил Леопольда Сергей, обращаясь к пастору и Белле.

– Везде пузыри летают, как воздушные шарики, – ответила Белла. – Но ведь эти люди не умирают?

– Конечно, нет, – сказал поспешно пастор, стараясь придать лицу как можно более беспечное выражение.

– Смотря что называть смертью. Все думают, что знают о ней, но нужно быть стулом, чтобы осознать смерть по настоящему, – неожиданно серьезно сказал Леопольд.

– Ну, я то… точно жив и точно не стул, – сказал Сергей и широко заулыбался, ожидая смеха окружающих, но его не последовало.

– А что нам говорили магистры про предательство Церкви? Это никак не связано с розовыми пузырями? – снова спросила Белла, которая больше была поглощена каким-то внутренним диалогом, чем тем, что происходило вокруг.

Сергей и пастор отрицательно покачали головами, почти синхронно, и двинулись дальше вдоль зала.

– А что есть предательство? – опять начал рассуждать Леопольд, семеня своими ножками рядом с Беллой. – Не родная ли она сестра борьбе? И если тебя еще предают, значит, ты еще борешься и чего-то стоишь.

Пастор с Сергеем шли вперед мимо стены с различными инсталляциями. За ними следовали Белла с Леопольдом, а за всеми плелся Марк.

Марк был в замешательстве. В городе происходило что-то странное. И вероятно, нужно было что-то делать. Но эти люди, втягивающие его в какую-то авантюру, очень напоминают религиозную секту. Он не знал, как относиться к тому, что произошло с его матерью, и тем человеком, упавшим на тротуар. Он слышал про Церковь Святой Энтропии, она была полулегальной, ее храмы тщательно прятались. Вернее, даже не сами храмы, а ходы в них, которые постоянно менялись. С другой стороны, не считая Сергея, эти люди производили приятное впечатление, Марк был склонен доверять им. И даже робот в виде стула, с постоянными разглагольствованиями, казался забавным. Или Леоподьд – не робот?

Внезапно, в полутьме зала, слева от себя Марк увидел полупрозрачный розовый женский силуэт. Сердце юноши учащенно забилось. Розовый призрак оказался прямо перед ним и всматривался в его лицо. Сомнений быть не могло – это был призрак его матери.

– И облако, и машина, – произнесла она, – и ангел, и мать. Как странно… И вижу, и не вижу… и знаю, и не знаю… и не мертва, и не жива.

Марк не мог пошевелиться. Все странные события этого дня оставляли его относительно безучастным. Но видеть призрак своей, еще живой, как он надеялся, матери было страшно.

– Не меня ты должен бояться, – словно угадав мысли, продолжил призрак, – бойся тени, которая охотится за тобой, и двух предателей, которые рядом с тобой.

После этих слов призрак растворился, оставив Марка в темноте. Юноша пошел на свет и на голоса своих новых знакомых. Кем бы они ни были, но они единственные, кто сейчас предлагал какие-то действия, направленные на возвращение его матери в прежний телесный вид.

.

Глава 3

.

Если бы Марк отправился вместе с магистрами, то место, в которое они прибыли, напомнило бы ему древний амфитеатр, наполненный величавыми людьми в белоснежных тогах. Впрочем,

это были и не люди. Перед богами выступала Гера, в том же хитоне с вышитыми козами, в котором предстала перед Марком.

– Тюрьма осознания не должна существовать, я это утверждала всегда. И хочу, чтобы ее уничтожили.

– Мы знаем мнение Геры, – спокойно произнес бог, который, видимо, председательствовал на этом собрании, – и знаем ее заботу о развитии осознания матушки Сью…

– И не только, – властно прервала его Гера.– Множество прекрасных осознаний, в том числе и снов второго-третьего уровня, не получают должного развития в этой тюрьме.

На лицах присутствующих можно было угадать скуку и раздражение, впрочем, довольно умело скрываемые из-за уважения к выступавшей.

– Но, – продолжал Председатель после паузы, – тюрьма – проект Боба, и мы не можем ее обсуждать в его отсутствие. К тому же на момент ее открытия эта идея не лишена была смысла – она предотвратила войну богов, если я не ошибаюсь. А как сложится на этот раз? Без Боба такое решение принимать не хотелось бы.

– Так давайте его вернем, – Гера отыскала глазами Генри и магистра, кивнула им и продолжила, – кстати, давно пора. Изобретательность моего братца хорошо известна, но превратиться в мышь, чтобы погубить собственный мир – это уже чересчур.

– Мы тоже склоняемся к этому мнению, – осторожно поддержал Председатель, – и не очень понимаем Боба, хотя, наверное, у него есть веские причины.

– Ему просто скучно. Сначала из-за скуки он этот мир забрал, – Гера опять бросила взгляд на магистра Генри, – а теперь он хочет от него отделаться, потому что ему, видите ли, опять скучно.

Чувствовалось, что здесь только Гера может высказываться о Бобе в таком тоне. Остальные сидели или стояли с каменными лицами, сохраняя почтительное отношение и к говорившей, и к тому, о ком она говорила.

– Согласно великой Небесной Оферте бог должен дождаться, пока его мир полностью отработает. Сменить его может только Совет, и только если он не может выполнять обязанности бога,– произнес Председатель, как будто прочитав выдержку из инструкции.

– Так он и не может, – ответила Гера.

– Но фактически он может в любой момент вернуться.

– Но тогда это умышленное уничтожение собственного мира, а это запрещено.

– Не совсем. Ведь он ничего не делает, чтобы его разрушить.

– Разве это не одно и то же?

– По сути, может быть, и да. Но каждый бог нашего кластера так устроен, что не может не поддерживать существование своего мира, поэтому в Небесной Оферте ничего не было предусмотрено на случай разрушения своего мира бездействием.

– Значит, пора ее усовершенствовать.

– Это слишком большая ответственность. Последний раз, поддержав предложение магистра Петра и нарушив Оферту, мы навлекли гнев сил, которые даже теперь не понимаем, не так ли?

При последних словах Председатель посмотрел наверх, на огромное сине-зеленое кольцо, парящее высоко над всеми. Остальные сначала тоже посмотрели наверх, а потом на Петра, который поднял голову, как бы соглашаясь принять вину той давней и страшной ошибки только на себя. Генри пытался поймать взгляд Геры, ему нетерпелось поучаствовать в обсуждении, но она как будто специально не смотрела в его сторону.

– Что ж… Вы знаете меня, магистра Генри и магистра Петра… – начала произносить сильным голосом какую-то формулу Гера. – Мы выносим на этот совет предложение вернуть Боба из его добровольного заточения в теле белой мыши, властью и силой богов кластера.

Лица присутствующих приняли озабоченное выражение, как перед принятием сложного решения. Впрочем, тоже скорее из вежливости, потому что каждый знал заранее, о чем пойдет речь и как он проголосует.

Вся процедура принятия решения была отработана до мелочей. Мгновенно от каждого участника совещания стали вырываться блестящие эманации, которые закружились над Советом, постепенно складываясь во вращающийся шар. Однако почти сложившись, он рассыпался на множество хлопьев, которые осыпались и растворились в воздухе. Решение не поддержали, и Совет стал расходиться.

– Не хватило одного голоса, – сказала Гера, оказавшись рядом с Генри и Петром.

– Я хотел выступить, – раздраженно бросил Генри.

– Это ничего бы не решило, все уже приняли решение, поддерживать им Боба или нет, исходя из собственных целей, и рассказ об очередном погибающем мире ничего не поменял бы в их раскладах.

– Ты обещала помочь.

– Конечно, я тебе помогу, – ответила Гера, обращаясь к Генри с какой-то особой теплотой, – но ты тоже не забывай о своем обещании. Я не могу в обход Совета уничтожить тюрьму, но если

кто-то из небогов разрушит ее изнутри, то Совет не будет настаивать на ее восстановлении. Разрушьте ее, а я помогу спасти тот мир, иначе он или исчезнет, или весь превратится в тюрьму для осознаний.

Гера легко устремилась прочь. А магистры повернулись и пошли по направлению к крутому обрыву над тем, что Марку показалось бы океаном.

– Ты голосовал против? – бросил он через плечо Генри Петру, уже зная ответ.

– Против чего?

– Перестань.

– Ну, да… как и всегда

Генри ускорил шаг, и второй магистр еле за ним поспевал. Впрочем, Генри быстро совладал со своим недовольством, приостановился и даже заботливо поправил одежду Петра.

У амфитеатра за ними наблюдали Председатель и его помощник.

– Гера не очень стремилась помочь им сегодня, – произнес помощник. – Она не хочет, чтобы их план удался?

– Она не хочет, чтобы он удался слишком быстро, – немного помедлив, ответил Председатель. – Полагаю, она что-то попросила за свою помощь. А ничто так не подстегивает к действиям, как еще не выплаченное вознаграждение. Нам тоже следует воспользоваться этой целеустремленностью Генри, пока он на все готов.

– Думаете, он и к вам обратится за помощью?

– Уверен в этом.

Петр и Генри, не сбавляя шага, сорвались с обрыва вниз.

.

Глава 4

.

Марк обрадовался, когда магистры вернулись в зал храма Святой Энтропии. Юноша тяготился обществом сверстников, с которыми всегда чувствовал себя проигравшим в необъявленной войне за место в иерархии. С людьми старшего поколения ему было комфортнее, казалось, что они умнее, добрее и смогут различить его таланты сами. Кроме того, он еще не мог прийти в себя после встречи с призраком матери и жаждал только одного – быстрее приступить хоть к каким-нибудь действиям, которые помогут вернуть осознание матери в ее тело обратно.

Между вернувшимися магистрами чувствовалось напряжение. Генри старался не смотреть в сторону Петра. Сергей это почувствовал и внимательно вглядывался то в одного, то в другого магистра, пытаясь угадать причину такого изменения.

– Действуем сами, – сказал Генри.

Марк понял, что речь идет о какой-то помощи, на которую магистры рассчитывали, но так и не получили.

– А до этого мы как действовали? – спросил Леопольд.

Магистры, казалось, чего-то ждали и медлили.

– Выходим отсюда? – спросила Белла, которой здесь уже порядком наскучило.

– Да, – почти хором произнесли магистры, – как будто только и ждали этого вопроса от девушки.

В иное время Генри и Петр в этой ситуации переглянулись бы и улыбнулись такой одинаковой реакции, но сейчас посмотрел на другого только Петр. Пастор сунул каждому в руки листовку и попросил обязательно прочитать. При этом магистры как-то странно на него посмотрели, как если бы знали об этих листовках нечто большее.

– Тогда пошли. Чего ждать, – решительно произнес Сергей.

Они все двинулись по коридору, который появлялся перед ними и схлопывался сзади. Храмы Святой Энтропии были вне закона, и государство знало об их примерном расположении, но проходы к ним постоянно изменялись. С одной стороны, это создавало сложность для правоохранительных служб, а с другой, служило им оправданием своей бездеятельности – несмотря на полулегальное положение, особого вреда от церквей не было. Воображение Марка расставило фигуры идущих так, чтобы они составляли более гармоничную композицию, а фигура Беллы выглядела более выигрышно.

Они вышли на улицу через поход в стене, который сразу за ними закрылся. Белла почему-то пошла направо, и магистры позволили ей сделать этот выбор.

Им сразу повстречался парень, у которого розовый пузырь только начал выходить из макушки, и сейчас больше походил на нимб. Парень рассеянно озирался, словно у него только сейчас открылись глаза на мир.

– Первая стадия, – прокомментировал Леопольд, когда они немного отошли. – Говорил я вам или нет, но я все знаю про шизофрению.

– Стул – шизофреник, что-то новое! – попытался сострить Сергей.

– Вовсе нет, – обиженно фыркнул Леопольд, – но я провел множество собеседований, когда работал в психиатрической клинике.

– Ты зря над Леопольдом посмеиваешься, – бросил Генри, – тебе до него еще очень далеко.

– Мне до всех далеко, – злобно огрызнулся Сергей, которого

так бесцеремонно свергли с пьедестала, на который он сам себя вознес. Он, конечно, не претендовал на место магистра Генри в их небольшой компании, но ему нравилось считать себя его неофициальным заместителем.

– В первой стадии, – продолжил Леопольд, словно не слыша этой перепалки,– сознание лишь чуть-чуть покидает тело, но для человека уже открываются новые неожиданные горизонты. Все перестает быть понятным и материальным. Мир становится чужим и новым. Одни люди при этом становятся бездеятельными и апатичными, скептически относясь к внешнему миру, другие – начинают заниматься самобичеванием, скептически относясь к самим себе.

– Это я! – рассмеялась Белла.

– Это да, – улыбнулся ей Петр, причем не только очень доброжелательно, но еще и многозначительно.

– Третьи, – продолжил Леопольд, – пытаются компенсировать пресность мира, которую они почувствовали, притворной веселостью.

Встретившийся им полицейский скользнул глазами по листовкам у них в руках и, коснувшись гаджета, закрепленного у правого виска, включил полупрозрачный экран перед собой. Марк сделал такое же движение, решив найти мать, но в сетях она была недоступна. Мать часто отключалась, вернее, забывала включиться, но в теперешних обстоятельствах ее отсутствие терзало душу юноши.

У другого молодого мужчины пузырь уже наполовину покинул тело. Мужчина испугано смотрел по сторонам и жался к стене.

– Во второй стадии энтропия оставшегося в теле сознания становится меньше энтропии внешнего мира. Поэтому внешний мир воспринимается сначала хаотичным и пугающим, а затем человек выстраивает его упрощенную параноидальную модель. Это его личный ад. Одновременно уже воспарившая часть осознания поставляет необходимое количество галлюцинаций, чтобы дополнить общую картину, – продолжал рассказывать Леопольд.

– И сколько всего этапов? – уточнила Белла.

– Три. На третьем сознание покидает тело полностью, и оно превращается в биологический компьютер: замирает в неестественных позах либо выполняет повторяющиеся рутинные действия. Впрочем, если вся жизнь человека была строго регламентирована и упорядочена, то его тело довольно долго может функционировать в таком состоянии.

Сразу за перекрестком их обступили 10 полицейских,

которые объявили о задержании. После чего всех повели к Дворцу правосудия. Магистры на удивление спокойно отнеслись к этому аресту, остальные, беря с них пример, тоже не очень переживали. А у Леопольда появилась возможность блеснуть знанием сводов законов, что, впрочем, им не помогло.

По пути каждый из их группы подвергся перекрестному допросу.

– Вы знаете этих людей? – спросил Марка полицейский слева.

– Нет, почти нет, – пересохшим ртом отвечал юноша.

– Они вас заставили пойти с собой? – спросил полицейский справа.

– Да, – вырвалось у Марка, и он тут же пожалел о своем малодушии.

Однако больше его никто ни о чем не спрашивал, в отличие от других, с которыми активно беседовали остальные полицейские. Весь оставшийся путь юноша корил себя за свою трусость и мысленно представлял, как он остроумно водит за нос полицейских. Но сказанных слов не вернуть. Знакомая улица теперь представлялась Марку угловатой и мрачной.

Их привели в камеру предварительного заключения, которая больше походила на плацкартный вагон прошлого века. И там уже находился взъерошенный рыжий человек с немного растерянным видом.

Сергей снова продолжил играть роль если не главного, то самого активного члена команды.

– А тебя за что? – с ухмылкой опытного рецидивиста спросил он у рыжего.

– За то, что отвечаю на такие вот вопросы, – улыбнулся человек, – хотя что теперь то…

И он рассказал новым знакомым свою историю. Его зовут Анри, и он художник. Несколько лет назад он решил, что готов к главному свершению в жизни художника – созданию собственного художественного фильтра для превращения изображений и видео в произведения искусства. Два года работал над тысячью примитивами, которые легли бы в основу фильтра. Он изнурял себя ежедневным выбором между несколькими вариантами с еле заметным отличием. То до изнеможения перемещал квадрат в поисках его особого положения, то искал наилучшую линию, то цвет. Он вглядывался в свои примитивы, пока не переставал ощущать различия. Потом их откладывал, а когда возвращался, то все начиналось сначала. Через три года такой работы Анри решил, что уже закончил работу над фильтром, и задумал отметить это событие небольшим походом по живописным окрестностям.

Художник собрался переночевать над входом в большую пещеру. Он уже поужинал и приготовился созерцать звезды, как вдруг увидел, что в пещеру начали заходить люди. Включился свет, послышалась музыка. Началась какая-то вечеринка. А люди продолжали подъезжать. При свете установленных фонарей он узнал почти всех политиков их города, и в конце концов уже под утро, под уходящей Венерой, Анри решил посмотреть, чем они там занимаются. Незаметно пробравшись, художник увидел внутри ярко освещенной пещеры не более 12 человек, что его очень удивило, потому что заходило намного больше.

Внезапно люди стали раздваиваться и растраиваться. Появляющиеся люди не были похожи друг на друга. А появившись, направлялись к выходу. Анри был так ошарашен, что не заметил, как кто-то подошел к нему сзади и сделал укол. Потом он ничего не помнит – оказался уже тут.

Удивленные молодые люди, выслушав рассказ художника, посмотрели на магистров, ожидая объяснения.

– Политики этого города – потомки баканэко, они могут раздваиваться почти до бесконечности, поэтому никто не знает, сколько их, – пояснил Петр и добавил мечтательно: – Была у меня в молодости одна баканэко.

– А сознания клонов самостоятельны? – спросил Сергей.

– Мы остаемся одним сознанием, – ответил внезапно появившийся Мэр города.

И, видимо, в качестве иллюстрации он закатил глаза, поднатужился и… разделился. Теперь рядом с мэром стоял и проигравший выборы политик, которого Марк видел сегодня на улице.

– С ума сойти, – сказала Белла.

– Нас задержали по формальному поводу за связь с Церковью Святой Энтропии, и подставил нас местной пастор. Но ведь вам что-то от нас нужно, не так ли? – спросил Генри, который явно торопился и хотел опустить часть предварительных разбирательств.

– Да, и кроме того, мы знаем, кто вы и каковы ваши возможности, – уважительным тоном ответил Мэр. – Мы и не думали, что эти стены вас удержат. Но у нас, в гораздо более укрепленном месте, есть еще два полубога из вашей команды.

– Сатрапы! И вы думаете, что нас остановите?! – запальчиво воскликнул Леопольд.

– Мы знаем, что таким могущественным магистрам не сложно освободить любого заключенного этого мира, – сказал Мэр, обводя глазами всю группу, что польстило Сергею.

– Но это потребует много энергии, – продолжил проигравший

политик.– Человек может раскрутить маховик, но не сможет его мгновенно остановить. Так и боги, как мы знаем, могут создать мир, но мгновенно изменить его даже им не под силу.

– Мы же поможем вам воссоединиться с друзьями в ответ на небольшую услугу с вашей стороны, – закончил Мэр.

– Низкий шантаж, – опять воскликнул Леопольд. – Низкий даже для шантажа!

– Это как-то связано с Анри? – уточнил Генри.

– Да, мы не можем ему позволить рассказать нашу тайну и выпустить отсюда. Но он согласен стать Агнецом.

Все посмотрели на художника, который пожал плечами, как бы говоря: а что мне остается?

– Что это значит? – спросила Белла.

– Жертвой, – со знающим видом произнес Сергей.

– Жертвой? – не то испуганно, не то удивленно повторила девушка.

– Мы обещали ему организовать переход на более высокий уровень мироздания, – сказал Мэр. – Многие о таком только мечтают.

– Но гарантировать этот переход можете только вы, – добавил второй политик.

– У нее были длинные ноги и раздвоенный хвост, – продолжал вспоминать магистр Петр не то о любовнице, не то о домашнем питомце.

Генри тряхнул за рукав Петра, и тот, словно очнувшись, рассеянно осмотрелся по сторонам, пристально глянул в глаза Генри и сосредоточился на художнике. Вся фигура магистра Петра стала излучать неведомую силу, которая расходилась от него и преображала все вокруг. Помещение стало почти круглым. Оба магистра встали и протянули ладони в сторону Анри. Художник провалился в глубокий транс, он стал видеть себя в окружении хаоса, от которого ему было больно почти физически, однако постепенно мир вокруг стал упорядочиваться, все более и более завораживая своей красотой. И художник успокоился, наблюдая самый прекрасный сон в своей жизни.

Помещение стало прежним, а Петр опять рассеянным. Магистры сели.

– Ему нужно немного поспать, и он будет готов, – произнес Генри.

– Вы должны побыть с ним это время, – сказал Мэр.

– Побудем, – ответил Генри и почему-то посмотрел на Беллу и Марка, что не укрылось от ревнивого внимания Сергея.

– А зачем вам Агнец? – спросил Сергей, вновь желая проявить активность.

– Мы с их помощью управляем потоками эмоций, – начали объяснять политики.

– Понятное дело, – пробурчал Леопольд. – Сатрапы и есть.

– Не понимаю, – честно призналась Белла.

– Наше общество основано на культе слабости. А слабый хочет, чтобы все атрибуты сильного достались ему без каких-либо усилий.

– На то он и слабый.

– Он хочет чувствовать, что главенствует, поэтому хочет, чтобы во главе правительства стояли люди, которых он выбирает сам. И мы ему даем такую иллюзию – выбора одного из нас.

– Слабый, не имея воли, не терпит ее проявления в других, хочет, чтобы во главе правительства стояли безвольные, законопослушные винтики-чиновники.

– Мы даем и такую иллюзию, скрывая процесс принятия решений.

– Слабый хочет быть великодушным (потому что это привилегия сильного), но при этом ничего не делать и ничем не рисковать. И мы даем ему возможность считать, что это с его разрешения общество защищает слабых и обиженных.

– Слабый хочет, чтобы все это ему давалось без борьбы, по факту его существования, он хочет прав и главенство закона.

– И даже если слабый собрался с кем-то бороться, он требует, чтобы тот, с кем он борется, сам себя ослабил и победил.

– Но общество слабых беззащитно перед врагами, – уточнил Сергей.

– А мы сами не воюем, мы ищем союзников и направляем их на своих врагов, – пояснил Мэр.

– Только вот потом союзники решают, что проще захватить вас! – хмыкнул Леопольд.

– Бывает, да, но тогда их побеждают наши бывшие враги. В итоге мы клеймим позором и тех и других.

– А зачем вам Анри? – спросила Белла.

– Еще не знаем. Но в нашем обществе гнев – негативная эмоция. Узаконен только гнев против убийц Агнеца, поэтому в них всегда есть потребность, и лучше, чтобы был запас.

– Ну, вообще… – с гримасой отвращения произнесла Белла.

– Но мы же не чудовища какие-нибудь, – поспешно пояснил проигравший политик. – Каждый Агнец обеспечивается счастливой жизнью после смерти. Многие бы им позавидовали.

От художника стала отделяться розовая субстанция, но не такая, как у всех, – более насыщенная. Петр, не глядя, протянул руку в сторону Анри, и субстанция вернулась в тело.

– Его осознание готово, и оно будет счастливо, – сказал

Генри.

– Вот и хорошо, а мы сейчас же отпустим ваших товарищей.

Политики направились к двери. Все молчали, и Марк решился задать вопрос, который его терзал.

– А что… Анри… погибнет?

– Будет убит. Не сомневайтесь, – сказал Мэр, который уже успел опять объединиться с другим политиком. И после этих слов дверь за ним закрылась. Марк был смущен и растерян, не знал, как относиться к происходящему.

– Я не хочу здесь оставаться, – с решимостью капризной девочки и боевого командира одновременно сказала Белла.

Оба магистра немедленно встали, на секунду замерли и начали кружиться, постепенно ускоряясь.

– Встретимся в призрачной зоне, – бросил через плечо Генри.

– Под маяком, – добавил Петр.

Все вокруг закружилось, как ворох сухих осенних листьев.

.

Глава 5

.

Марк очутился в сухом причудливом лесу, который оказался еще более податливым его воображению, чем тот мир, который они только что покинули. Призрачный лес сохранялся более или менее постоянным, если смотреть вскользь, но стоило сконцентрировать на чем-то внимание, и объекты начинали терять очертания, причудливо изгибаясь и растягиваясь.

Марк огляделся и пошел по направлению к несоразмерно высокому сооружению. Оно единственное здесь могло быть маяком. Между обрывками густого стелющегося тумана мелькали розовые силуэты, в одном из которых он узнал призрак своей матери. Он двигался параллельно юноше, но остановился. И в этот момент Марк почувствовал холод между лопатками. Три огромных полупрозрачных Пса окружили призрак матери, клацая зубами. Он метался, но не мог вырваться из окружения – Псы были быстрее. Марк стоял как вкопанный, не убегал, но и не спешил на помощь, которая пришла неожиданно. Два человека, которых Марк уже видел на площади в городе, в майках с надписями «Гога» и «Магога», кидая камни, прогнали Псов. Призрак матери продолжил свой путь, тогда как двое мужчин, оглядевшись вокруг, заметили Марка и подошли к нему. В них не было агрессии, наоборот, они излучали доброжелательность.

– Мы знаем, кто ты, – сказал тот, кого, по-видимому, звали Гога.

– И к кому ты идешь, – добавил Магога.

– Мы не враги ни тебе, ни им.

– Мы лишь приглядываем за ними.

– Чтобы они не натворили глупостей.

– И никого не убили.

– Мы просто не хотим, чтобы кто-нибудь пострадал.

Марк вспомнил слова Геры и упавшего человека. Вспомнил только что произошедшую историю с Анри. И их слова не показались ему бессмысленными.

– Возьми этот орех-маяк и носи всегда с собой. А когда понадобится наша помощь – просто потри его, и мы тебя найдем.

Марк машинально взял у Гарри шершавый на ощупь орех и положил в карман с твердым желанием выбросить его, как только они уйдут.

– Ты всегда успеешь его выбросить, – словно прочитал мысли Магога.

– Но не делай этого, пока не узнаешь планы магистров и не решишь, можно ли им полностью доверять.

– А мы присмотрим за твоей мамой здесь, в призрачном мире, чтобы на нее не напали.

– Всякие Псы.

Гога и Магога исчезли в тумане, а Марк продолжил движение к маяку, которого достиг почти мгновенно, сделав всего несколько шагов. На широком каменном крыльце уже сидели магистры и Белла с Сергеем, который явно чувствовал себя здесь хуже всех.

– Не будем затягивать, – произнес Генри, увидев юношу и открывая небольшое собрание. – Боб давно хотел закрыть этот мир. Но уничтожить его напрямую не может из-за Небесной Оферты, по которой никакой бог не может уничтожить свой мир, если тот еще не отработал ресурс. По этой же Оферте бог автоматически стабилизирует мир, самим фактом своего существования в качестве бога.

– Но и Небесная Оферта, я бы сказал, не идеальна, – продолжил Петр, – и Боб активно ищет слабости в ней, чтобы освободиться от мира и стать свободным магистром, как мы с Генри. На моей памяти он пробовал уничтожить его и злом, и добром, а теперь хочет уничтожить, перестав быть богом на какое-то время.

– Мы противостоим Бобу в его желании уничтожить этот мир. Последнее время мы боролись с добром, а теперь ищем то земное существо, в которое превратился Боб, чтобы обречь мир на самоуничтожение, – заметно было, что все это Генри рассказывает в основном Марку.

Юношу настораживали слова магистров, когда речь шла о борьбе с добром. Но во всем, что происходило с ним в последние

часы и даже в этом тумане, было что-то еле уловимо знакомое. Так какой-нибудь запах может связать нас с очень ранним, еще не осознаваемым, детством. Марк уже связал себя с этой странной компанией и стал считать себя ее частью на каком-то очень глубоком уровне. Хотя разум его еще не в состоянии был во всем разобраться. Да и у кого смог бы?

– С помощью Геры мы узнали, что это существо – белая мышь, – продолжал Генри, – и Гера помогла нам найти тебя, Марк. Ты тоже сон третьего или выше уровня, как и Белла. На Сергея нам указали знаки. Вместе с двумя полубогами Бешеным Гарри и Лаурой мы составим Братство Белой Мыши и спасем этот мир, который не по праву принадлежал Бобу и над которым он не в праве чинить расправу.

– И где эта мышь? – спросила Белла, взглянув сначала на Марка, а затем на магистров.

– Став обычной мышью, Боб очень затруднил поиски, – медленно произнес Генри, глядя на Беллу.

– Может быть, в Золотом Городе? – предположила девушка.

– Ты так думаешь?

– Ну, там купол большой…

Магистры переглянулись друг с другом.

– Решено, – поднялся Генри, – вы встретитесь с Бешеным Гарри и Лаурой и отправитесь в Золотой Город, а мы с Петром попробуем еще раз получить помощь от Совета.

Магистры снова закружились, поднимая вихри материи. Белла, Марк и Сергей исчезли с крыльца, словно растворились в тумане.

Магистры закружились еще сильнее, а затем, присев, как кузнечики, прыгнули и исчезли в тумане над маяком.

Приземлились они у обрыва около амфитеатра, в котором проходил прошлый совет. Там, сидя на камне, их уже поджидал Председатель.

– Я знал, что вы захотите поговорить со мной, – произнес он.

– Как нам извлечь Боба обратно? – сразу перешел к делу Генри.

– Зачем вам? – спросил Председатель, скорее, чтобы получить время на ответ и лучше понять ситуацию.

– Мне нужен этот мир, – ответил магистр.

– Это честно.

– И там прошла моя молодость, столько воспоминаний, – добавил Петр.

– Это мило. Что ж, самый простой способ – прибить ту мышку.

– Не подходит. Уже не подходит, – досадно бросил Генри. –

Слишком долгая процедура оформления осознания. Пока она будет проходить – мир останется без осознаний вообще.

– Ваша правда. Но и ускорить процедуру никак не получится, – развел руками Председатель. – Она прописана в Небесной Оферте.

– Знаем, поэтому и обратились за помощью.

– Жаль, что Совет не проголосовал «за», одного голоса не хватило, – наивно посетовал Председатель. Он наблюдал за реакцией магистров, прекрасно зная, что Петр голосовал против нарушения Небесной Оферты.

– Да, но что можно сделать сейчас?

– Насколько это для вас важно? Ведь таких миров – пруд пруди.

– Сейчас – самое важное. В некотором роде я в ответе за этот мир, – ответил Генри.

– Я могу поговорить с Фреди Лу… Но он не согласится помочь.

– А он бы мог, – вдруг сказал Петр.

– Как? – повернулся к магистру Генри, подчеркивая уважение к его мнению.

– Два сна третьего уровня смогут извлечь осознание из любого живого тела, не убивая его, если Фреди хотя бы на минуту ослабит мир.

– Но если он его ослабит, осознания начнут покидать тела еще быстрее, – задумчиво произнес Генри.

– Тут – кто быстрее, – подтвердил Петр.

– Фреди сможет это сделать? – теперь уже Генри повернулся к Председателю.

– Наверное, но только если я пообещаю ему уйму энергии, которую он у меня все время просит. Но откуда у меня лишняя энергия? Ее даже на ремонт амфитеатра не хватает.

– А сколько ему нужно?

– Или по половине энергии от десяти обычных магистров, или полностью энергия двух, таких как вы.

Магистры опять переглянулись. Генри был настроен решительно, а Петр еще чувствовал себя виноватым за голосование на совете, поэтому готов был следовать за Генри, хотя в другой раз был бы гораздо осторожнее, раздавая энергию. В дальнейшем они, может быть, пожалеют о совершенном, но сейчас перед ними маячила цель, ради которой они готовы пожертвовать всем. Настораживало только то, что первое время они, лишенные энергии, будут бессильны.

– Вы же быстро восстановитесь, – добавил Председатель, видя их колебание.

– Мы согласны, – произнес наконец Генри.

.

Глава 6

.

Марк, Белла и Сергей силами магистров оказались у терминала футобана, ведущего к Золотому Городу. Они недолго осматривались и приходили в себя. Улыбаясь и жестикулируя, к ним подошли мужчина в большой шляпе и девочка лет семи с мороженым.

Незнакомец представился Марку как Бешеный Гарри. А девочку звали Лаурой. Сергей, который еще был слаб, после посещения призрачного мира старался показать, что он на короткой ноге с ними и похлопал Гарри по плечу. Белла искренне обрадовалась встрече и улыбалась открытой детской улыбкой.

Если смотреть на футобан, то кажется, что начинаешь кружиться. Это от того, что чем дальше от терминала, тем выше скорость полос, его составляющих. Если пройти на 300 метров вглубь, попадаешь на полосу, которая мчится со скоростью поезда.

Бешеный Гарри уверенно повел группу по футобану сквозь движущиеся аллеи небольших деревьев со скамейками. Изредка сквозь крону деревьев прорывались, взлетая, розовые пузыри. И сами деревья, как показалось Марку, провожали воспарявшие осознания с некоторым злорадством. Вдалеке мелькнули майки с надписями «Гога» и «Магога».

Они встретили женщину-врача, которую Марк видел у упавшего тела в городе и про которую Белла сказала, что она жена Мэра. Женщина шла под руку с политиком, который проиграл выборы и который, оказавшись двойником Мэра действующего, навещал их в тюрьме. Политик был спокоен и ироничен, а жена Мэра немного возбуждена и все время смотрела по сторонам. Заметив членов Братства Белой Мыши и, видимо, узнав в них жителей города, она спешно увела своего спутника в сторону.

Они также обогнали мужчину и женщину, которые, как в игре пинг-понг, обменивались одинаковыми фразами:

– Тебе не жмут ботинки?

– Я потерплю.

– Тебе не жмут ботинки?

– Я потерплю.

Группа подошла к последней, самой быстрой полосе. Она состояла из нескончаемого ряда строений различного назначения. На многих из них сидели птицы, которые приспособились превращать перелеты в переезды. Гарри занял

столик в кафе, потому что Лаура захотела есть. Сергей заказал хот-дог с горчицей, а Гарри спросил, есть ли у них дичь, но когда узнал, что нет, – отказался, как и Белла с Марком.

Марк коснулся кармана и почувствовал орех, про который уже почти забыл. Значит, все произошедшее в призрачном мире ему не приснилось. Выбросить или оставить? Чтобы решить, нужно прояснить, хорошие это люди или плохие, вернее, какому делу служат. И как они помогут вернуть мать в ее обычное состояние.

Тем временем разговорчивый Леопольд уже ввел Гарри и Лауру в курс дела.

– Белорусские художники! – воскликнул Бешеный Гарри, хлопнув себя по колену, – пристрелить бы этого пастора пару раз.

– Я с самого начала его подозревал, – сказал Леопольд. – Я что-то такое и предчувствовал.

– Да, как-то подозрительно себя вел, – подтвердил Сергей.

– А я ничего не заметила, – честно призналась Белла.

– Лаура бы его сразу раскусила, – сказал Бешеный Гарри, подвигая к девочке стакан сока.

– Спрут предательства свил гнездо в сердце Святой Церкви! – подытожила та, откусывая от пирога.

– А ты почувствовал предательство? – со странной ухмылкой спросил Сергей растерявшегося Марка.

– Нет, кажется, – замявшись, ответил юноша, потирая ладонью шею.

– Не смог доконать этот мир комфортом и благополучием, так решил свалить в мышке, – уже спокойно произнес Бешеный Гарри, имея ввиду Боба.

– Ты бы покушал, – предложила ему девочка.

– В смысле… не доконал благополучием? – переспросил Марк.

– Как обычно доканывают. Так уже было много раз, – произнес Гарри и провел рукой над столом, решив, что у них есть время для небольшой презентации.

Между чашками, тарелками и корзинками появились небольшие, но явно доисторические деревья, между которыми, в свою очередь, шныряли еще меньшие по размерам доисторические животные. Впрочем, движения их становились все более медленными, а сами они – все более крупными.

– Это терапсиды, – пояснил Гарри, – они жили еще до динозавров. Благополучие их стало расти, и сами они начали расти. Все, кроме тех, кто жил в норах и был ограничен и в росте, и в комфорте. Комфорт противен мирам, и терапсиды вымерли. Остались только те из них, кто был лишен радостей полного

комфорта, кто жил в норах и не мог расти. Они и стали предками млекопитающих.

Все с интересом разглядывали бегающих по столу зверушек, а Гарри еще раз сделал взмах рукой, и вместо терапсид появились маленькие динозаврики, которые также постепенно стали увеличиваться в размерах.

– Потом место терапсид заняли динозавры, и тоже благодаря комфорту и благополучию выросли в размерах.

– И тоже повымирали, – сказала Лаура, для которой излагаемые факты были явно хорошо знакомы, и она развлекалась, гоняя динозавриков ложкой по столу.

– Да, – продолжил Гарри, – в качестве повода выступает обычно какая-то не самая страшная катастрофа, запускающая механизм самоуничтожения. Остались только те динозавры, которые не могли расти в силу объективных трудностей, а именно – летающие динозавры, которые стали прародителями птиц.

– А теперь растут люди, – сказала Лаура, беря с большой тарелки печенье.

– Да, − подтвердил Гарри.

– Все равно не поняла я, – сказала Белла с провинциальным акцентом, который специально имитировала, когда не хотела выглядеть слишком непонятливой, превращая вопрос в шутку.

– А мне в целом все понятно, но нельзя ли объяснить все сначала? – вставил слово Леопольд.– Я много слышал подобных теорий, но все они немного отличаются друг от друга.

– Все же просто. Миры созданы для обучения, – тоном учителя продолжил объяснение Сергей, который уже почти пришел в себя. – Если живое создание живет комфортно и не решает постоянно возникающие насущные задачи, связанные с мучительным выбором или страхом, то оно и не нужно мирозданию. Если речь идет о целом виде животных, то за ненадобностью стирается весь вид.

– Как это было с динозаврами? – уточнила Белла.

– Да. Все обставляется как несчастный случай. Достаточно любой причины, чтобы уничтожить изнеженный комфортом вид или целый класс животных.

– Ненавижу комфорт, – сказал Бешеный Гарри и стукнул кулаком по столу.

Удар был не сильным, но оставшиеся динозаврики подпрыгнули и попрятались за посудой и под салфетками.

– А при чем здесь люди? – опять спросила Белла.

– Борьба добра и зла – не суровая необходимость, а условие целесообразности существования мира, – продолжил Сергей. −

Если побеждает добро, то мир уничтожается так же, как если бы победило зло. Добро побеждает с победой комфорта, а растущий комфорт обычно сопровождается ростом размеров тела. Поэтому гибель от комфорта обычно начинается с такого явления, как акселерация.

Белла вспомнила слова магистров о том, что ее выдающиеся особенности помогут спасти мир. Но проблемы человечества с тех пор только множатся. И девушкой начинало овладевать обычное для нее чувство недовольства собой и подавленности.

– То есть, – Леопольд немного покашлял, готовясь задать нетактичный вопрос, – это угроза именно людям? Когда вымерли динозавры, остальные живые и осознающие существа ведь не пострадали?

– Тогда Боб только шел к своей цели – созданию законченного мира, выпускающего подготовленные осознания и основанного на идее двух полов – мужского и женского. Боб азартен и гениален, мужской род – его изобретение, и не все верили в эту затею. Он хотел доказать, что такой мир не только возможен, но и более эффективен. Ему это удалось. Теперь же этот мир ему не интересен, и, уничтожая людей в нем, он устроит так, что уничтожено будет все. Сам мир будет уничтожен, но его осознания найдут себе место в других мирах, – произнес Сергей и, откинувшись на спинке стула, стал рассматривать открывающиеся пейзажи.

Футобан был высоко поднят над землей. Из-за этого и из-за близости зданий, которые тоже мчались вперед, казалось, что это земля плывет назад. Сейчас они проезжали над территорией государства, которые жители Содружества Городов называли Недообществом. Были видны дороги, обрабатываемые поля и пролетающие дисколеты.

Марк воспользовался тем, что его спутники стали разглядывать ландшафт, и вышел в туалет. Его длинный коридор был оформлен в черно-белом цвете, и воображение Марка сразу стало составлять причудливые графические композиции. Но творческий процесс прервал мужчина с испуганным взглядом.

– Их много, и они управляют человечеством, – громко зашептал незнакомец.

– Кто?

– Стулья и кресла.

– В смысле?

– Они подключаются к мозгу через копчик.

– Ясно.

– Передай нашим!

– Ладно.

Незнакомец быстро удалился, а Марк вошел в туалет. Он увидел в дальнем углу три мужские фигуры. Один из них стоял на коленях. Возможно, его били. При появлении Марка все трое замолчали. Смущенный и взбудораженный юноша прошел в кабинку. Он боялся таких ситуаций, потому что не знал, как себя вести, боялся внимания, боялся быть смешным.

Смущенному сознанию юноши, лихорадочно ищущему оправдание своему бездействию, было уже не до гармонии, черные и белые пятна смешались и прыгали в беспорядке.

– Что ты мне за отец такой?! – немного наигранно, возможно, специально для Марка, возмущался один из стоявших. – Ты – позор нашей семьи, ты обманываешь нашу мамочку!

И Марк решил, что это семейная разборка, как бы неправдоподобно это ни выглядело, и, стараясь смотреть только перед собой, вышел из туалетной комнаты мимо журчащего фонтанчика воды. И как только он вышел, в юноше начали бороться желание вернуться и страх глупо выглядеть. Или просто страх. Марк несколько раз замедлял шаг, готовый вернуться, но потом продолжал движение. Когда он сел на свое место за столиком, ему не удавалось скрыть смятения, но все были увлечены разговором и не обратили на это внимание. Все в чем-то убеждали Беллу, которая спорила, скорее, уже из духа противоречия, чем по сути вопроса.

– Вот поэтому я ем только диких животных, которых подстрелили на охоте, – говорил Бешеный Гарри.

– Конечно, вся пищевая цепочка – способ заставить всех животных бояться и бороться, – добавил Леопольд

– Можно подумать, что охотники много борются, стреляют себе ради развлечения, – весело огрызалась Белла.

– Но стреляют животных, которые оказались менее осторожными, менее быстрыми и менее удачливыми. А это уже борьба.

– Беспощадная борьба за жизнь. Злой рок. Судьба – индейка, – выдала какой-то ассоциативный ряд Лаура.

– Ну, а если тут нас всех перестреляют сейчас? – с запалом воскликнула Белла.

Сергей, казалось, хотел ответить что-то остроумное, но сдержался.

– Если есть борьба, или элемент рока, – то это хорошая смерть, – сказал Генри. – Прекрасно умереть, потому что принял вызов или потому что тебя отметили боги.

– А если тебя отправляют в концлагерь? – опять возразила Белла.

– Если ты боролся против этой власти и тебя за это убивают,

то в этом и есть смысл борьбы. Но если ты и не собирался бороться, а тебя загоняют, как скот, и планомерно убивают, – то это извращение сути, это противно миру, и поэтому я не ем мясо со скотобоен.

Марк все время поглядывал в сторону туалета. Но чем больше проходило времени, тем бессмысленней становились какие-то действия с его стороны. Он услышал слова Гарри, снова вспомнил про орех и потрогал карман, решив, что эта компания слишком непредсказуема и поэтому орех может еще пригодиться.

Внезапно все полетели со своих мест вперед. Гарри, проявив чудеса ловкости, смягчил удар о стенку Марка и Сергея, а Леопольд ловко подхватил Лауру, и прижался с ней к той же стене, возле которой уже сидели все члены Братства Белой Мыши. При этом Лаура продолжала есть печенье, как ни в чем не бывало.

На полном ходу остановился футобан. Остановка сопровождалась скрежетом механизмов и криками людей, летящих кубарем по инерции вперед и ударяющихся друг о друга или о постройки. В первые секунды после остановки наступила режущая слух тишина, а потом стали слышны стоны и крики.

Бешеный Гарри и Сергей помогали подняться другим, Марк уже тоже был на ногах, но был растерян и не знал, что делать. Леопольд с продолжающей сидеть на нем Лаурой перемещался от человека к человеку, у которых девочка справлялась о самочувствии.

Среди общего шума раздались звуки, которые трудно было перепутать с чем-то другим. Услышав выстрелы, Гарри напрягся и вытянулся, как охотничий пес, его рука автоматически поднялась к правому боку, где, видимо, находилось оружие.

И в этот момент откуда-то сверху послышался голос:

– Гарри, Бешеный Гарри, не дури. Поднимайся со своими людьми в башню контроля и наблюдения. Не вздумай палить. Окажешь сопротивление – мы будем сбрасывать вниз всех людей, которым не повезло оказаться рядом с тобой и видеть тебя. Ты станешь для них горгоной, взгляд на которую убивает. У тебя три минуты.

Люди смотрели по сторонам, а угадывая, что Гарри из Братства Белой Мыши именно тот, кому адресовано это сообщение, – отворачивались сами и отворачивали головы своих детей. Некоторые старались не смотреть в его сторону, придумав какой-нибудь предлог.

Братство прошло к ближайшей башне и, став на платформу перед ней, стало подниматься. Сверху было видно, что хаос начинает организовываться. Одни вооруженные группы людей сгоняли пассажиров в отдельные помещения, другие – сооружали

какие-то заграждения, готовясь к обороне. И над всем этим то тут, то там продолжали подниматься розовые облачка.

В верхнее помещение башни они вошли уже под дулами автоматов, которые на них наставили люди в камуфляжной одежде. К ним повернулся человек в черном плаще, который, очевидно, был у них предводителем.

– Гарри, Лаура, – произнес он, обращаясь к ним, как к старым знакомым, и не обращая внимания на остальных вошедших.

– Ну и что ты, Черный Принц, устроил? – спросил холодно Гарри.

– Небольшой захват, – ответил Принц, проявляя при этом склонность к позерству.

– Зачем на этот раз?

– Затем же, зачем и всегда. Мы это сделали, потому что могли это сделать. Мы ненавидим Содружество Городов, но и ваше Недообщество тоже презираем. Вы не лучше их, просто вы еще на полпути к ним.

– И почему ты с нами об этом говоришь?

– Содружество натравливало нас на Недообщество, чтобы навредить ему нашими руками и нашими жизнями. И мы им подыгрывали, пока оно снабжало нас оружием. Но теперь Содружество представляется нам гораздо более простой целью.

– А мы причем?

– Я прошу о малом – передай Недообществу, что не собираюсь с ними воевать, моя цель – лживое и трусливое Содружество Городов.

– Ну, сам бы и сказал, я тебе не курьер.

– Они мне не поверят, а вот… тебе и Лауре – да.

Марк посмотрел наверх. Сквозь треугольное окно в потолке врывался яркий дневной свет, который постепенно распределялся по всему помещению и из яркого луча превращался в еле заметное облако света, окутавшее всех присутствующих.

– Ты же умеешь распознавать правду ото лжи, – обратился Принц к девочке. – Поэтому я при тебе и заявляю: моя цель – Содружество.

– Вроде правду говорит, – повернулась к Гарри Лаура.

– Вот и хорошо, – бросил Принц и дал какой-то знак охраннику.

Тот быстро навел на членов братства детектор, подошел к Гарри и вынул у него из под одежды оружие, передав второму. Пока проходил этот досмотр, Принц и остальные вышли. Два охранника под дулами оружия провели членов братства в просторный лифт, в котором легко могли бы поместиться до 40 человек, и он сразу стал опускаться.

Марк начинал приходить в себя и осознавать происходящее. Леопольд же, видимо, вообще впал в ступор, потому что превратился просто в стул, стоящий у противоположной стены за спинами охранников, которые, наставив оружие, бдительно следили за членами братства.

Гарри и Лаура явно начали скучать. И от скуки стали трогать и крутить в руках все, что находили в помещении.

Девочка взяла в руки какой-то штатив, когда Генри громко произнес:

– Давно мы не слышали Леопольда.

И тут же за охранниками раздался кричащий голос стула:

– Руки вверх, отродье серое!

Охранники одновременно повернулись, открыв стрельбу по стене, поверх Леопольда. Но они даже не успели удивиться, потому что оба рухнули без сознания на пол, сраженные кулаком Гарри и штативом Лауры. А стул, которому уже можно было не притворяться мебелью, подбежал и пнул их ножками.

Гарри вернул себе свое оружие.

– Вот теперь нормально доедем, – сказал он.

– Мы бы и так нормально доехали, – пожал плечами Сергей.

– Не скажи, – возразил Гарри, но раскрыть мысль не успел. Двери лифта начали открываться.

.

Глава 7

.

Магистры вместе с военными и любопытными ожидали открытия дверей служебного терминала. Высоко над ними пролегал остановившийся футобан, на котором сейчас царили страх и смерть. Сами магистры выглядели измученными и обессиленными, в них практически не осталось энергии.

Залязгали оружейные затворы, и открылась дверь. Воинственно настроенный Бешеный Гарри стоял впереди, рядом с ним Лаура, а Сергей, Марк, Белла и Леопольд – за ними. Образовавшуюся паузу занял поворот башни танка, стоявшего напротив входа. И когда дуло орудия оказалось нацеленным в грудь Гарри, верхний люк танка открылся и показался сначала счастливый мальчуган, а за ним – мужчина в офицерской форме, державший ребенка на руках. Мужчина широко улыбался и, ловко спрыгнув на землю, сначала отпустил мальчика, потрепав его по голове, а затем, продолжая улыбаться и раскрыв руки для объятия, направился к Гарри.

– Узнаю Бешеного Гарри, – военный показал взглядом на двоих лежавших охранников.

– Приветствую, Полковник! – ответил Гарри.

– Что от вас хотел Черный Принц?

– Что-то вроде перемирия с вами. Ничего нового. Поможешь нам добраться до Золотого Города?

– Миссия? – спросил Полковник, осматривая остальных членов Братства. Подошедших магистров он, видимо, узнал, потому что на его лице появилось выражение почтения и подчеркнутой независимости одновременно.

– Да, и очень важная.

– Отвезу вас на базу, а оттуда вас забросит дисколет.

Полковник широким шагом направился к военному джипу, пригласив движением головы членов братства следовать за ним. Два солдата, высокий хмурый и маленький улыбающийся, которые разговаривали с другими военными, увидев приближение Полковника, кинулись к машине и сели на переднее сиденье. Сам Полковник подождал, когда все заберутся в джип, и запрыгнул последним, отдав распоряжение высокому солдату, который сразу разогнал машину до максимальной скорости.

– Что с вами? – спросил Гарри у магистра Генри.

– Отдали всю энергию.

– А через сколько восстановитесь? – спросил заинтересованный Сергей.

– Через сутки.

Сергей, казалось, принимал какое-то решение. Полковник, коснувшись гаджета у виска и выслушав донесение, отдал короткое распоряжение, после чего повернулся к Бешеному Гарри с вопросом:

– Так что там случилось?

– Им нужна была Лаура, чтобы подтвердить истинность их намерений.

– И они не собираются нападать на нас? – уточнил Полковник у Лауры.

– Не собираются.

– Ведь ты распознала бы ложь?

– Конечно.

– Ну, сейчас не собираются, а завтра засобираются, – подумав, сказал Полковник. – Мне сообщили, что на наших базах действуют их агенты. Не от большой дружбы это.

– Серые Братья захватили весь футобан? – спросил Гарри.

– Только два участка.

– И что планируете делать?

– Еще не знаем. Содружество Городов натравливало на нас Серых Братьев и вооружало их. Но, видимо, они в очередной раз решили, что проще напасть на покровителей. С одной стороны, это даже весело, а с другой – все равно нам придется очищать

мир от этой серой заразы.

Небо окрашивалось розовыми сполохами. Воображение Марка лишь немногим дорисовало эту величественную картину. Чувствовалась хрупкость мира, брошенного в водоворот событий, которые трудно осознать обычному человеку. Джип мчался с предельной скоростью, и иногда Марку казалось, что земля вздымалась на поворотах и опускалась на прямых участках, помогая им в их бешеной гонке. Нырнув в ложбину между сопками, они оказались на военной базе.

Выйдя из машины, Полковник повел группу к небольшому навесу, по дороге раздавая дежурный запас конфет набежавшим откуда-то детям. Они прошли мимо сидящих на ящиках, как на скамье, женщин. Марк, по своему обыкновению, шел последним, поэтому слышал, как дамы обсуждали их.

– А девочка что у них делает?

– Это тот самый Полковник?

– Да. И это он носит с собой фото президента, – ответил низкий женский голос.

– Какой ужас!

– Уму непостижимо!

Полковник предложил членам братства сесть в тени и, указывая на рядом стоящий дисколет, сказал:

– Этот борт я не могу вам дать, он нужен. Но следующий – ваш.

Магистр Генри выразительно посмотрел на Гарри.

– Через сколько будет второй? – спросил Бешеный Гарри.

– Часа через три.

– Подождем тогда, – сказал Сергей.

Заметно было, что магистров такая задержка не очень радовала, но других вариантов не было. Леопольд принялся рассказывать все, что знал о дисколетах. Гарри, Лаура и Полковник удалились, обсуждая сложившуюся военную ситуацию. Сергей предложил Белле прогуляться, а девушка позвала Марка пройтись по базе вместе с ними. Юноша пошел было следом, чтобы заодно выбросить орех под одно из деревьев, но поймал насмешливо-презрительный взгляд Сергея, который как будто следил за ним. Марк смутился, что-то буркнул себе под нос и вернулся под навес к магистрам.

– Слепой? – спросил Марк у магистров, указывая на человека в мешковатом плаще, которого вел молодой парень, удерживая за рукав.

– Нет, – ответил после некоторой паузы, собравшись с силами, Генри, – это социолог. Они живут реальностями двадцатилетней давности, поэтому могут ориентироваться только

в среде себе подобных, а для путешествий вовне им требуется поводырь.

Марк вспомнил, что видел их и ранее, но всегда считал инвалидами. Подошедший невысокий солдат попросил женщин подняться, чтобы вытащить ящик.

– А что в нем? – поинтересовалась одна из них.

– Подарок для инопланетян.

– А вы их видели?

– Их никто не видел.

– А мы, может, они и есть? – задорно спросила самая молодая из женщин.

– Ну, нет… мы же с вами… одинаковые.

Вытянув ящик, солдат понес его к дисколету. А дамы на какое-то время притихли, но это было напряженное молчание.

– Меня аж колотит, – сказала женщина низким голосом, – какое высокомерие!

– Он считает, что мы одинаковы!

– За кого он нас держит?!

– Солдафон.

– Я вся горю!

Марк, услышав разговор женщин, удивленно посмотрел на них. Обладательница низкого голоса перехватила этот взгляд, и юноше показалось, что ему еще придется за него ответить.

Вернулись Бешеный Гарри и Лаура.

– Они разворачивают силы вдоль всего футобана, но пока не собираются нападать. Говорят, что еще не разобрались в планах Серых Братьев.

– А раньше, чем через три часа, они не могут нас отправить? – задал вопрос, который его терзал, магистр Генри.

– Нет, этот борт для них очень важен.

– Странно тогда, что он почти не охраняется.

– Да, два солдата и один пилот, – сразу отреагировал Гарри, как будто уже обдумывал этот вопрос.

– А что это они засуетились? – спросил Леопольд.

– Ищут шпиона Серых Братьев.

Из вновь прибывшей машины вышли люди, среди которых был и Мэр со своей женой. Она хотела увести его от навеса, потому что сразу узнала членов Братства, которые видели ее с проигравшим политиком на футобане. Но Мэр с лукавой усмешкой почти насильно привел супругу к ним.

– Здравствуйте! Мы, кажется, с вами встречались. Хочу представить вам свою жену Клару.

В это время к группе женщин подошел высокий солдат и хмуро предложил им подняться, чтобы вытащить еще один ящик.

– А может быть, наши принципы не позволяют подчиняться военщине! – сказала самая молодая, еще не успев успокоиться.

– Мне все равно, я за ящиком, – сказал солдат и обратился к людям под навесом: – Помогите донести.

Марк сразу поднялся, подошел к солдату и взялся за другой конец ящика, который оказался не тяжелым, но одному его нести было бы неудобно.

Сзади послышалось женское возмущение.

– Ему все равно!

– Что он вообще знает о принципах!

– Какое высокомерие!

Они поднесли ящик к дисколету, и юноше показалось, что в ящике кто-то вздохнул.

Поднявшись по металлическому гулкому трапу, Марк с солдатом занесли ящик внутрь небольшой кабины и аккуратно водрузили на второй, такой же. Из кабины выглянул пилот.

Спускаясь уже налегке, Марк смог оглядеться и оценить великолепие приближающегося заката. Ему хотелось здесь и остаться, в этой степи, и быть никому не нужным и забытым всеми. Юноша опять вспомнил про орех и снова хотел его выбросить, однако неожиданно увидел невдалеке Гогу и Магогу, которые пристально за ним наблюдали. Также он видел, что под навес вернулись Сергей и Белла.

Марк прошел мимо социолога, которого временно оставил поводырь и который озирался по сторонам, пытаясь разобраться в происходящем. Опустив взгляд, он увидел у себя под ногами небольшой мигающий гаджет и решил, что его обронил прошедший мимо Марк. Социолог поспешил за ним и, догнав уже под навесом, с растерянной улыбкой передал.

– Вы обронили.

– Это не мое.

– Возьмите, возьмите… Мне нужно вернуться на место.

Растерянный социолог поспешил вернуться, а не менее растерянный Марк остался с устройством в руках. Никто из членов братства не успел ничего сказать. К ним сразу подошел незнакомый офицер и взял устройство из рук юноши.

– Это ваше? – холодно и отрывисто спросил он у Марка.

– Нет.

– Это передатчик Серых Братьев.

У юноши похолодело внутри. А Сергей, казалось, первый раз с интересом посмотрел на Марка.

– Оставайтесь на месте, – бросил офицер и отошел в сторону, на ходу с кем-то связываясь и докладывая.

Бешеный Гарри и магистры переглянулись, а Лаура

отбросила недоеденное печенье, что, видимо, отражало ее крайнюю степень решимости.

Гарри провел вокруг рукой, и они оказались в густом тумане. Кто-то крепко схватил Марка за руку и потащил за собой. Они бежали, судя по всему, к дисколету, и скоро ноги застучали по металлическому трапу. Сзади слышались удивленные возгласы. Туман уже немного рассеялся, и Марк увидел, что его за руку держал Бешеный Гарри, который выхватил из-за пазухи небольшой предмет и бросил его назад. Огромный столб густого тумана мгновенно заслонил солнце. Стало темно. Члены братства вбежали внутрь дисколета и закрыли грузовой люк.

– Режим 112, – начал командовать Гарри, закрывая шлюз, – полная автономность, отключить средства связи и навигации, идем по гироскопам. Курс – Золотой Город.

Пилот, подчиняясь командам, автоматически их выполнил, буквально двумя движениями руки. И вопросительно посмотрел на Гарри, ожидая пояснений. Пилот узнал друзей Полковника, а нештатность ситуации его не удивляла. Более того, обсуждая с солдатами, приписанными к дисколету, свою миссию, они и предполагали, что взлета можно ожидать в любую минуту. А прибытие на базу Полковника в сопровождении штатских только усилило это их предчувствие.

– Атака беспилотников. О грузе и о прежнем курсе сообщил шпион, – в двух словах описал Гарри якобы сложившуюся ситуацию пилоту и обратился к солдатам: – Проверьте крепление груза.

– Ты шпион еще и Серых? – спросил удивленный Сергей у Марка.

– Это не мой передатчик, и не знаю я никаких Серых, – начал оправдываться юноша.

– Не могу понять, что не так, – произнесла Лаура, просканировав Марка, и разворачивая конфету, а затем процитировала какую-то цитату: – Орех предательства еще не сорван.

Сергей и Гарри с настороженностью посмотрели на Марка и магистров. Но магистры были совершенно спокойны, и это успокоило остальных.

– Главное – мы движемся к цели, – сказал Генри, – остальное неважно, пока.

Вернулись солдаты и заняли места в креслах. Осмотревшись вокруг, Марк подумал, что эти солдаты здесь и живут, потому что обстановка напоминала комнату двух холостяков. Один угол был приспособлен под кухню, а в другом висела одежда под портретом президента и плакатом с пышноволосой красоткой в

полупрозрачной обтягивающей одежде.

– Мы ему сразу сказали, чтобы не уходил далеко, что-то подобное мы и ждали, – весело, взбудораженный событиями, сказал невысокий солдат.

– Я и не уходил, – буркнул высокий.

Говорить о миссии братства или обсуждать произошедшее на базе при солдатах было уже нельзя. Повисла пауза, особенно гнетущая из-за того, что в иллюминаторах по-прежнему ничего не было видно. Вылетев из дыма, дисколет тут же нырнул в облака и теперь летел к цели в их толще, соблюдая предельную скрытность, как и положено в режиме 112.

– А кто эти женщины? – поинтересовалась Белла.

Марк мысленно поблагодарил ее за смену темы, потому что обсуждение его якобы предательства, в то время как в его кармане лежал злополучный орех, было невыносимо. Однако Белла и не думала делать это специально. Но такова была ее натура: пришедший в голову вопрос будет обязательно задан.

– На базе? – уточнил Гарри, тоже переключившись на другую тему.

– Да. И одна такая… с низким голосом.

– Это Виолетта и ее группа паломников.

– Паломников?

– Да, и они отправляются в Золотой Город, – проявил осведомленность Сергей.

– Делать им нечего! Что они там забыли?! – фыркнул невысокий солдат.

– Это тебе там делать нечего, – возразил второй, – а я бы тоже туда дернул.

– Ты-то чего?

– Там люди как сыр в масле катаются, а у меня здесь деда убили.

– Как погиб? – с профессиональным интересом спросил Бешеный Гарри.

– Боролся против правительства, его схватили, 10 лет продержали в тюрьме и расстреляли.

– Хорошая смерть,– одобрительным тоном сказал Гарри.

– Не бывает хорошей смерти, – опять буркнул высокий.

– И моего деда убили, – сказал весело невысокий. – Арестовали ни за что, просто для галочки. Продержали 10 лет в лагере и убили. Никаким врагом народа он не был.

– Отвратительная смерть, – нахмурился Гарри.

– Ничего. В пламени борьбы он сгорит в следующей жизни, – заверила Лаура.

Солдат кивнул, но лицо его выражало некоторую

растерянность.

– Кое-что спрошу, – сказал Сергей, поднимаясь и направляясь к рубке пилота.

– Виолетта – из народа катаранцев, – неожиданно проговорил Петр, когда Сергей скрылся в рубке.

– Я это сразу понял, кстати. По внешнему виду и произношению. Их совсем мало осталось, – добавил Леопольд.

Сергей вернулся и жестами показал солдатам, что их зовет пилот. Солдаты сразу же направились в рубку.

– Через полтора часа прилетим, – ответил Сергей на вопросительные взгляды остальных.

И в этот момент в рубке произошел взрыв.

.

Глава 8

.

Марк очнулся последним. Они находились в пустыне, около разрушенного и еще дымящегося звездолета, окруженные огромными утробно урчащими трубами-турбинами. Члены Братства Белой Мыши осматривали себя и друг друга. Длинный след на песке указывал на то, что им повезло упасть на высокий песчаный склон, и это смягчило удар. Но многие из Братства удивились бы, узнав, что до их падения его здесь не было. Сергей, тяжело переставляя ноги, возвращался от дисколета.

– Все мертвы, – сокрушенно сказал он. – Прямое попадание в рубку.

– Странно, – произнес Леопольд. – что я не почувствовал ни ракеты, ни снаряда.

Стул довольно резво перемещался по песку, чего нельзя было сказать о магистрах. Они уже были на ногах, но выглядели растерянными. Чувствовалось, что быть лишенными своей энергии и своих способностей им было непривычно. Гарри отряхивал и осматривал Лауру, а Белла что-то искала вокруг себя.

Закат обещал скорое наступление сумерек. И все Братство, ведомое магистром Генри, который решимостью заменял утраченную энергию, двинулось к ближайшей башне.

Башни – часть проекта по освоению Великой Пустыни. Она была полностью ими застроена в шахматном порядке. Каждая труба снабжена турбиной и генератором. И выработанная ими энергия направлялась на преобразование и заселение пустынных районов. Однако когда вся энергия, вырабатываемая башнями, была задействована, продвижение внутрь пустыни остановилось, и центральная ее часть осталась неосвоенной зоной, а ее башни заселили маргиналы и мистики. Впрочем, это не единственная их

функция. Башни объединены в один огромный чувствительный орган, который призван обнаружить любую инопланетную активность и сигнализировать о ней.

Когда Братство дошло до башни, уже стемнело. И они решили остановиться на удобной площадке около входа, со следами от кострища. Бешеный Гарри, Леопольд и Сергей вошли в башню. Марк же, чувствуя себя виноватым в сложившейся ситуации, старался не высказывать своего мнения и не навязывать никому свое общество, поэтому охотно вызвался собрать кизяк для костра. Маленький костер бы уже разожжен и служил хорошим ориентиром для Марка, который безуспешно пытался что-нибудь отыскать. Находясь в темноте и видя освещенную огоньком костра часть стены, Марк чувствовал себя очень комфортно. Ему всегда казалось, что слова «одинокий наблюдатель» лучше всего описывают его внутренний настрой и его сущность.

Внезапно Марк почувствовал знакомый холод между лопатками. Три огромных Призрачных Пса опустились на площадку, накрыв собой Генри, Петра и Лауру. Потом они поднялись, унося в своих полупрозрачных телах девочку и магистров.

Потрясенный Марк видел, как остальные члены Братства вышли из башни и недоуменно осматривали площадку с одной Беллой, которая от шока не могла вымолвить ни слова. Сергей рассмотрел фигуру Марка в темноте и указал на него пальцем. На ватных ногах юноша подошел к ним.

– Где Лаура и магистры? – спросил Гарри.

– Большие собаки, – только и выговорил Марк.

– Белорусские художники! Здесь нет следов!

– Большие собаки. Правда… Я собирал дрова, – почти плакал Марк.

– Много собрал? – холодно спросил Сергей, указывая на пустые руки.

– Это Призрачные Псы, судя по всему, – догадался Леопольд.

– Это значит…, – начал Сергей.

– Что осознания магистров и Лауры сейчас в призрачном мире.

– Значит, идем за ними! – крикнул Гарри.

– Самим нам туда не попасть без магистров, – сказал Сергей.

– Собаки… прозрачные. Они живы? – спросила Белла, которая быстро приходила в себя и имела в виду, конечно, не собак.

– Да, но на какое-то время застрянут в призрачном мире.

– На какое?

– Дня на два по нашим меркам, – ответил Леопольд. – Потом

магистры восстановят энергию, вернутся сами и вернут Лауру.

– А через два дня все это не исчезнет? – спросила Белла.

– Не должно, – нарочито бодро сказал Сергей.

– Но мы никогда с Лаурой не расставались, – уже спокойно, но растерянно сказал Гарри.

– Вот именно… – многозначительно произнес Леопольд.

Гарри посмотрел на него и, видимо, о чем-то догадавшись, начал осматриваться вокруг. Внезапно он увидел и подошел к неестественно застывшему перекати-полю, которого до этого момента здесь не было, – иначе бы его заметили и пустили на костер. Медленно приблизившись, Бешеный Гарри присел на колено. Поднес ладонь.

– Это она! – удивленно и обрадованно воскликнул Гарри.

– Не понимаю, – сказала Белла.

– Призрачный мир накладывается на этот. Осознание может быть там, но и частично присутствовать в этом мире. Гарри и Лаура скреплены вместе силами, которые не по зубам какой-то там призрачной своре, – пояснил Леопольд.

Гарри бережно завернул перекати-поле в платок и закрепил за своей спиной.

– Нужно спрятаться и дождаться возвращения магистров,– сказал Сергей, снова примеряя на себя роль лидера. – Мы внутри нашли хорошее помещение и уже поговорили с хозяином.

Они прошли коридором, поднялись на этаж и очутились в довольно уютном зале с подобием камина. Хозяином был заросший мужчина неопределенного возраста. На его вопросительный взгляд Сергей ответил:

– Магистров и Лауру похитили Призрачные Псы.

– Здесь?!

– Только что.

– Псы здесь часто бывают?

– Я не видел их раньше.

– Мы тогда переночуем у вас.

– Я рад друзьям магистров, хотя самим магистрам я бы радовался больше, конечно.

Отшельник явно забыл, что такое обходительность. Он включил какой-то агрегат, и в камине стали рассыпаться искры, создавая достаточно уютную имитацию огня. В больших количествах была выложена еда, но почти безвкусная – куски искусственного белка. Члены Братства расположились у камина и молча поели, каждый погруженный в свои мысли.

– Что теперь будем делать? – спросил Сергей.

– Идти дальше, – сказал Гарри, бережно держа платок с перекати-полем.

– А если среди нас предатель?

– Ты про передатчик Марка? Не думаю. Лаура же сказала, что его орех предательства еще не сорван.

– Ага, но полные карманы, – съязвил Сергей.

Марк решил, что они говорят про передатчик, который ему сунул социолог на базе. А что касается «орехов» и «полны карманов», то это какие-то аллегории. Юноша даже не допускал мысли о том, что всем известно о его слабости и о том, что он носит в кармане орех, полученный от Гоги и Магоги, потому что эта мысль для него была слишком мучительна.

– Думаю, стоит переждать здесь несколько дней, пока магистры не окрепнут и не вернутся с Лаурой, – предложил Сергей.

– Нет, нужно идти. Нам нужно найти и уничтожить белую мышь, решительно ответил Гарри.

– Как вас зовут? – задал вопрос Сергей, когда отшельник поднялся из своего угла.

– Кларк, Кларк Л., – ответил тот, открывая другой угол помещения, которое было завешено плотным одеялом.

– Тот самый?!

– Видимо, да, – отшельник снял одеяло и отдал его Белле.

– Но вас считают похищенным и замученным.

– Я знаю, но мне тогда хотелось просто уйти и никого не видеть.

– Тот самый Кларк? – переспросила Белла, кутаясь в одеяло.

– Да.

– Но почему?

– Со временем созданная мной Церковь Святой Энтропии обзавелась жесткой инфраструктурой и развитой бюрократией, то есть ее энтропия, как это ни парадоксально, стала крайне низка. И я сбежал.

Странные ритмичные звуки в открытом только что углу привлекли общее внимание. То, что сначала было похоже на бесформенную груду запасных частей, оказалось сидящим роботом-андроидом, который методично постукивал пальцами по полу. Над ним было сооружено подобие алтаря со свечой и изображением глаза с двумя зрачками.

– Это Бартоломей Второй, – ответил отшельник на вопросительные взгляды, – мой второй робот повышенной энтропии.

– Второй?

– Здесь я задался целью создать существо, отличающееся высокой энтропией, – отшельник сел рядом с ними, глядя в темноту пустыни. – В Бартоломея Первого я закачал огромное

количество различных программ поведения, но менялись они программой и в запрограммированном порядке, даже если со стороны казались случайными. Это не было той чистой энтропией, к которой я стремился.

– И что с ним стало?

– Ушел. Ушел, когда в нем включилась тяга к путешествиям.

– А этот? – Сергей кивнул головой в сторону угла.

– Я встроил в него блок, основанный на броуновском движении, который действительно генерирует случайные незапрограммированные сигналы. Но случайности сами по себе – лишь возможные пристанища для осознаний. Как норы для лис. Необходимо еще, чтобы какое-нибудь осознание выбрало их.

– И вы приманиваете осознание? – предположил Леопольд.

– Да, я молюсь об этом. Чтобы какое-нибудь осознание поселилось в нем.

– Но он же двигается.

– Но пока он ведет себя как больной шизофренией в последней стадии, без малейшего проблеска сознания.

С последними словами отшельник поднялся и подошел к стене напротив них. Взяв тряпку, он протер и без того чистый, большой полупрозрачный треугольник.

– А это что? – спросила Белла.

– Индикатор. Я здесь – в роли смотрителя.

– Индикатор?

– Сеть башен обнаружит скачкообразный рост энтропии в ближнем космосе, и это будет означать…

– Появление инопланетян, – закончил Леопольд.

– Да.

Отшельник всматривался через большой, почти во всю стену, проем в звездное небо, как будто сам пытался обнаружить какое-то изменение в этом сияющем скоплении. Остальные тоже зачарованно смотрели на серебристый Млечный Путь. И никто не заметил, как глаза Бартоломея Второго сфокусировались сначала на своей руке, затем на участке пола перед собой. Робот осмысленным взглядом обвел помещение и попытался положить в рот камешек, который нашел рядом. Но потом снова зрачки его расфокусировались, камешек выпал из пальцев, а рука продолжила отбивать тот же ритм.

– Найти бы кизяк и развести настоящий огонь, – сказал Гарри, которому было неуютно от холодных электрических искр.

– Марк уже искал ваш кизяк, и ничем хорошим это не закончилось, – напомнил Леопольд.

– Причем тут кизяк и то, что с приходом Марка начались все несчастья для нас? Здесь кто-нибудь видел коров или овец? Кому

здесь гадить? – спросил Сергей.

– Дерьмо! – эмоционально воскликнул Гарри и напрягся.

Марк не сразу понял, к чему относилась эта реплика, но тут же почувствовал холод между лопаток.

Прямо сквозь стену на них выскочили три Призрачных Пса. Заглотив Леопольда, Гарри и Сергея, которые еще боролись, уже находясь внутри их полупрозрачных тел, они тут же исчезли. Отшельник отчаянно что-то бормотал, глядя на нарисованный глаз с двумя зрачками, а Белла и Марк вскочили на ноги. К ним подкатилось уже безжизненное в полном смысле слова перекати-поле. Белла, не глядя ни на кого, решительно направилась к выходу, а Марк бежал за ней вниз по ступеням.

– Сергей сказал, что нам нужно остаться здесь, – напомнил юноша.

– Вот и оставайся.

Они выскочили из башни и быстро направились прочь от нее. Марк еле поспевал за девушкой.

.

Глава 9

.

Они все дальше и дальше, совершенно молча, удалялись от злополучной башни и проходили мимо других. Через два часа почувствовалась усталость и очень похолодало. Марк еще не знал, что холод для Беллы был страшней всего на свете.

Они взошли на холм, чтобы оглядеться. Вокруг темнелись только башни, но примерно на одинаковом расстоянии от них светились два огонька, два костра. Белла смотрела то на один, то на второй, видимо, выбирая, к какому направиться.

– Кизяк ищем или от Псов убегаем? – неожиданно раздался голос сзади.

Марк и Белла вздрогнули и резко повернулись. За ними стоял… осел. Но гораздо больший по размеру, чем обычные животные этого вида, и… полупрозрачный.

– Я – Призрачный Осел. Не знаете, куда пойти, налево или направо?

– Да.

Осел подошел к ним ближе. Сел по-собачьи и тоже посмотрел, сначала на правый огонек, затем – на левый, потом поднял морду к звездам и задумчиво произнес:

– Насладитесь моментом. Это – свобода.

– В каком смысле?

– Свобода – это выбор. Чем он мучительнее – тем вы свободнее, потому что эмоциональность выбора заставляет его полнее осознать, а осознание – свобода от запрограммированной органики.

– Разве?

– Парадокс в том, что люди считают свободой – свободу от свободы.

– Как это?

– Так компьютер электронный или белковый считал бы себя абсолютно свободным именно потому, что не чувствует выбора. Он запрограммирован. Свободными себя чувствуют несвободные люди. Один занимается музыкой, которая ему нравится, ест то, что ему нравится, занимается сексом, как ему нравится, и считает себя свободным, потому что действует, как запрограммированный генами белковый компьютер. Второй не допускает сомнения в догмах, в которые верит и которыми руководствуется, и тоже считает себя свободным, потому что не мучается выбором.

– Странно.

– Тут много странного. И я его хорошо знаю…

– Кого?

– Того, кто эти странности придумал.

– Боба?

– Нет, Боба такие мелочи не очень интересуют.

– А зачем Псы нападают на нас? – спросила Белла.

– Псы служат Бобу. Не знаю, что вы задумали, но он вас хочет остановить. Так что придется выбрать, – ответил Призрачный Осел, показывая копытом в сторону огней.

Белла выбрала и решительно направилась к огоньку справа, Марк поспешил следом, а за ними сидящий как собака Осел повернул морду и приветственно кивнул розовому женскому призраку, который стоял рядом и смотрел вслед уходящим.

.

Глава 10

.

Огонек оказался небольшим костром в пустыне, рядом с которым сидела пожилая женщина в вышитых козами одеяниях. Марк вспомнил, где уже видел такие изображения. Огонь бы маленьким, но живым и настоящим. Юноша узнал топливо.

– Где вы раздобыли кизяк? – каким-то чувством Марк ощущал, что здороваться здесь было необязательно.

– Ну, точно не от Призрачного Осла, – рассмеялась женщина.

– Вы жрица Геры? – спросила Белла, которая, видимо, тоже узнала изображения на одеждах.

– Да. Я сестра Мэй. А у вас измотанный вид. Присядьте и покушайте.

Марк действительно почувствовал усталость. Сестра Мэй протянула Белле огромный пуховый платок, а затем откуда-то из своих одежд вынула два белых кусочка и протянула молодым людям. Кусочки оказались сыром, и очень вкусным, особенно после безвкусного белка.

– Кизяк, как и молоко, мне дают козы.

– Мы не видели здесь коз.

– Когда возникает необходимость, я колдую себе сытую козу. Моих чар хватает только на четыре часа, но этого достаточно.

– А вы добрая или злая жрица? – с улыбкой спросил Марк.

– Это люди, – женщина махнула рукой в сторону, – думают, что жрицы могут быть злыми или добрыми. На самом деле мы неизменны, меняются лишь представления о добре и зле. Гера – первая женщина-бог в понимании нашего мира. Мы, ее жрицы, представляем женское начало. В эру мужских ценностей мы считались злыми. Сейчас – эра бабских ценностей, и мы опять считаемся не очень добрыми.

И пока Марк с Беллой жевали сыр, согреваясь у костра, жрица рассказала им, что изначально женская сущность – универсальная

и единственная, в которой инь не отделялась от ян. Но когда Боб создал мужской пол, тот вобрал в себя всю энтропию, весь ян, и женская вселенская сущность превратилась в бабскую инь. А инь – антиэнтропия, в которой все должно быть предсказуемо безопасно и комфортно. Комфортный рост биомассы без конфликтов, приятный и безопасный для всех. Это то, что называется добром. Таким образом изначально женское разделилось на две крайности – мужское и бабское. А крайности всегда ненавидят середину. Ведьмы стали злыми для всех.

– Я не знала, что Гера – первая, мне казалось, что богини были всегда, – удивленно произнесла Белла.

– Всегда ничего не бывает, детка. Когда-то Боб, Гера и Генри были одного пола, – ответила сестра Мэй.

– Что?!

– Они все трое – дети нашего Святого Духа… Но братьями и сестрой они стали потом.

– Не понимаю.

– Ни сам Святой Дух, ни его дети не имели пола, а вернее, они все имели женский, потому что мужской пол придумал Боб.

– Придумал?!

– Да, он – большой экспериментатор, чтоб его… Гера и Генри тоже в своих мирах ввели двуполые системы. Но созданные миры влияют и на своих создателей. Так Гера стала женщиной, а Генри и Боб – мужчинами. Но на этом влияние не кончилось. Генри и Гера влюбились друг в друга

– Ого!

– Сложность же заключалась в том, что они не могли быть вместе по той же причине, по которой желали этого.

– Почему?

– В их мирах уже существовало табу на браки между братьями и сестрами, и они теперь не могли его нарушить.

– И как же они поступили?

– Ненасытному Бобу для его экспериментов одного мира было мало. Тогда он решил завладеть мирами Генри и Геры, воспользовавшись ситуацией. Он внушил им, что единственный способ для них быть вместе – спуститься в один из миров в виде двух существ разных полов, не связанных друг с другом родственными связями. И они превратились в двух влюбленных дельфинов, переместившись в мир Геры на физическом уровне.

– В каком смысле? – спросила Белла, в воображении которой уже плескались два прекрасных дельфина.

– Что ж, может, тебе это и понадобится когда-нибудь, – задумчиво произнесла жрица, пристально осмотрев девушку. – Переместиться в мир можно тремя способами. В виде сна – когда

не осознаешь себя спящего и вся реальность кажется ограниченной только этим сном. В виде аватара – когда осознаешь и тот мир, в котором находишься, и тот, который посещаешь. Но погружение происходит не полностью – как будто играешь в компьютерную игру. Этот способ доступен богам и полубогам. И третий способ – когда полностью подчиняешься всем законам мира, в первую очередь физическим, но при этом осознаешь не только этот уровень, но и Царство Небесное. Этот способ доступен только богам, хотя и является для них ловушкой.

– В каком смысле? – задала тот же вопрос Белла, которая вообще часто повторялась.

– Бог становится пленником мира, в который полностью переместился. Он помнит, кем является, но обладает только возможностями того существа, в которого превратился. Только смерть этого существа может освободить бога.

– Теперь понятно, – Марк вспомнил то, что говорили члены братства о превращении Боба в белую мышь.

– Кроме того, мои детки, когда бог попадает в такую ловушку и практически теряет свои способности, его мир начинает разрушаться, как и сейчас, если я верно все чувствую. Потому что сам мир не самодостаточен без воли бога. Но тогда только Боб знал это. Миры Генри и Геры начали разрушаться. И тогда Боб обратился к Святому Духу, их отцу, с просьбой передать эти миры ему, чтобы спасти их. Что ответил Святой Дух, доподлинно нам неизвестно, но перед дельфинами, в которых превратились Гера и Генри, разошлась скала и образовался портал в новый, созданный только для них мир. Он манил влюбленных, и они разогнались, чтобы прыгнуть в него. Но у обоих в своих мирах были уже дети-полубоги. Генри прыгнул, не задумываясь, а Гера засомневалась и замешкалась. То же влияние собственного мира, которое подарило ей любовную страсть, привило ей и страсть материнскую. Она не могла покинуть сына. Скала снова сошлась, убив дельфиниху и освободив Геру. Она осталась богом в своем мире. А Генри остался один в мире, созданном для двоих. Потом он тоже стал свободен от него, но его собственный мир достался Бобу. Жизнь в одиночестве на небольшой, для двух дельфинов, планете заставила Генри много думать и анализировать. И когда его дельфин умер естественной смертью, Генри освободился и уже не стал создавать собственный мир, став магистром.

– Понятно, – сказала Белла, хотя это было и не совсем так, – у Геры уже был сын?

– Да, и я чувствую, что вы его тоже знаете. Его зовут Гарри.

– Бешеный Гарри?!

– Может, и бешеный, смотря какой у него сейчас возраст.

– Не поняла.

– Он у него меняется. И это тоже занятная история. Полубоги вечны и обычно всегда молоды, всегда одного возраста. Но у Гарри с Лаурой все немного по-другому.

Возникла пауза. Белла и Марк наслаждались живым теплом костра и удивительными рассказами жрицы. Они, конечно, не забыли ни о своих матерях, ни об опасности, нависшей над всем миром, но сейчас все это осталось за кругом света от костра. Время как будто замерло. И в этом безвременье сестра Мэй рассказывала легенды, древность которых ставила под сомнение само существование времени как чего-то текущего и непрерывного.

Они познакомились в Царстве Небесном – молодой полубог Гарри, сын Геры и молодого пастушка, и Лаура – дочь Боба и, понятное дело, пастушки. Будучи полубогами, они постоянно пребывали каждый в своем мире в виде аватаров, но и в Царстве Небесном бывали часто. Миры этого кластера спроектировал Боб, и их особенность – сильно выраженное отличие мужского и женского начал. Вернувшись в них, и Лаура, и Гарри испытали сильное чувство друг к другу, но разрешить им вместе путешествовать в другие миры, чтобы быть рядом, могли только их родители-боги. Проблема состояла в том, что когда Лаура переносилась в Царство Небесное, чтобы попросить отца перенести ее в мир Гарри, то здесь ее страсть превращалась в обычную симпатию, ради которой не стоило беспокоить могущественного Боба.

А когда Гарри поднимался, чтобы попросить об этом свою мать Геру, то тоже уже не считал свою просьбу важной. Однако, вернувшись в свои миры, оба снова начинали страдать от любви друг к другу. Так повторялось неоднократно, пока Лаура не решила поговорить с отцом, не покидая своего мира, чтобы ее страсть не ослабела. Боб каждую среду спускался, чтобы развлечься с местными женщинами. В одну из сред Лаура передала ему свою просьбу, но он только посмеялся над ней. Во вторую среду она пригрозила Бобу, что, если он ей не поможет, она расскажет его женщинам, что он изменяет им с другими. В ответ он тоже только рассмеялся, причем еще громче. В третью среду она пригрозила ему, что подговорит людей отказаться от веры в богов и тогда он потеряет связь с ними. И на это Боб только улыбнулся. В следующую же, четвертую среду Лаура заявила отцу, что если он не позволит ей быть вместе с любимым, она скажет людям ее мира, что они сами могут выбирать себе богов. И вот тут Боб задумался. Во-первых, стало ясно, что Лаура не отступит. А во-вторых, угроза на этот раз была серьезной. Бога

нельзя выбирать по нескольким причинам. Во-первых, человек не может выбрать то, что выше его понимания. Во-вторых, нельзя выбрать то, что не зависит от выбора. А в-третьих, выбрав то, что он назовет богом, человек потеряет связь с богами настоящими. Даже самого убежденного атеиста посещают сомнения, тогда как сотворившего себе бога по своему образу и подобию – никогда. И тогда Боб согласился сделать так, чтобы они с Гарри могли путешествовать по мирам и при этом никогда не расставаться, но при условии, что ни она, ни Гарри никогда и ни о чем не будут просить богов. Лаура тут же согласилась, приняв решение и за возлюбленного, гордо ответив, что ей вообще от богов почти ничего не нужно, кроме обустроенной личной жизни и возможности путешествовать. А Боб, желающий быстрее покончить с этой помехой его собственной личной жизни, но не желающий уступать, тут же выполнил просьбу непокорной дочери. И с тех пор Лаура и Гарри путешествуют по мирам, не расставаясь. Однако это было не то счастье, которое они просили. Один из них всегда – взрослый, а второй – ребенок. И когда ребенок подрастает – они меняются местами.

Возникла пауза.

– Последний раз, когда я их видела, – произнесла жрица, – Гарри был белокурым мальчуганом, а Лаура – редактором газеты.

– Бывает же, – протянула задумчиво Белла.

– Странно, что мужчин кто-то придумал, – кисло улыбнулся Марк, обдумывая еще первый рассказ сестры Мэй.

– Не кто-то, а Боб. И эта его придумка – не самая удачная, уж поверь мне. Матушка Сью хотела все вернуть, а он ее за это посадил в тюрьму осознаний, и она теперь там вяжет носки с овечками.

– Почему не самая удачная? – спросила Белла и посмотрела на Марка, который здесь один отдувался за все мужское население.

– Чего ж хорошего, – сестра Мэй насмешливо посмотрела в сторону юноши, который начинал краснеть. – Изначально во вселенной существовало только женское начало, направленное на развитие осознаний и рост их энтропии. Одновременно женское начало стремилось и к тому, чтобы сохранялась форма, в которой существовали осознания в различных мирах. В нашем – это форма органической жизни. Но Боб решил, что может ускорить развитие осознаний, если они будут испытывать постоянные проблемы. И он создал мужской пол – внутреннюю катастрофу для каждого вида. Мужское начало – разрушительно, направлено на разрушение органической формы, ради каких-либо абстракций или идей или просто так, по дурости. Оно сотрясает вид,

тренирует его приспособляемость к условиям неопределенности и ввергает осознания в водоворот проблем и страданий, требующих усиленного осознавания. Но, как и любая крайность, победившее мужское начало разрушает органический мир и лишает осознания их прибежищ.

– Мужчины – зло? – подытожил Марк.

– Да, – не задумываясь, ответила сестра Мэй. – Но меня больше злит то, как это отразилось на женщинах. Они тоже изменились. Чтобы уравновесить разрушительное для органики мужское начало, женское превратилось в бабское.

– Бабское? – переспросила Белла.

– Да. Это то, что выражает интересы только органики. Для бабского главное – комфортный рост биомассы. У них это называется культурой счастья. Чтобы все были счастливы, сыты, живы и детки росли у всех.

– Разве это плохо? – спросила Белла.

– Для куска органики, может быть, и хорошо, но не для осознаний. Они в таких условиях не развиваются или развиваются плохо. Поэтому такой мир уничтожается автоматически, согласно великой Небесной Оферте. Слава Гере.

– Как уничтожается? – спросил Марк.

– Обычно это какая-нибудь не слишком большая катастрофа, но достаточная, чтобы уничтожить слишком уж счастливый вид. А начинается все, как правило, с акселерации, с этой «черной метки» органического мира.

Возникла пауза, во время которой было слышно потрескивание костра.

– Вот так, – продолжила сестра Мэй, – с разделением на мужское и бабское родилось разделение на добро и зло.

– Как в легенде про дерево познания Добра и Зла? – спросил Марк.

– Да. Только там переставлены местами причина и следствие. Плоды с этого дерева Адам и Ева съели после того, как стали мужчиной и женщиной, в смысле мужчиной и бабой. Боб был в восторге.

– Почему?

– Даже с его дальновидностью, чтоб она ему боком вышла, он не мог предположить всех последствий. Этот ваш мужской род создавался просто как источник постоянных проблем, для более интенсивного развития осознаний. Но мужское в качестве противовеса породило бабское начало, а это разделение породило понятия добра и зла. И эти понятия оказались еще более разрушительными, чем сам мужской пол. Боб был счастлив. Это все равно, что купить козу, которая оказалась беременной.

– Почему? – опять спросил Марк, имея в виду, конечно, не беременность козы, а разрушительность упомянутых понятий.

– Мужское стало злом, а бабское – добром. Но и то, и другое одинаково разрушительны. Благом является только женское начало, в чистом виде. Мир победивших бабских ценностей мы называем «бабскость плюс», это мир неверных оценок блага. Чем больше люди руководствуются этическими нормами добра и зла, тем сильнее раскачивают лодку, в которой находятся. Потому что они всегда ошибаются, всегда выбирают не тех врагов и не тех союзников. Это как если бы вместо того, чтобы варить мясо положенное время, мы его только или переваривали, или недоваривали. Разделение на добро и зло искусственно. Поэтому можно сказать, что во всех процессах существует и то, и то.

– Или ни того, ни другого, – предположил Марк.

– Клянусь Святой Козой, так даже вернее. Поэтому попытка оценивать реальные явления с помощью этических критериев добра и зла обязательно приведет к слепоте на один глаз. В любом явлении можно увидеть и то, и это, и люди видят только то, что хотят. Мораль позволяет ненавидеть и презирать любого, кто хоть как-то вовлечен в реальные процессы. Поэтому нет больших разжигателей ненависти, чем те, кто руководствуется лишь этическими принципами. И Бобу это тоже понравилось.

– Можно ли сказать тогда, что этика – набор принципов, защищающих органику? – спросил Марк, все более находящий интерес в этих рассуждениях.

– Не совсем, мой мальчик. Этика – то, что остается, если забываются смысл и назначение миров.

– А мужское начало разрушительно для органики, – продолжил Марк какую-то свою мысль, пропустив мимо ушей обращение, которое в другое время его бы обидело.

– Да. Женское изначальное – использование органики в качестве формы, необходимой для развития осознаний. Это как если бы ты, мальчик мой, использовал форму для изготовления статуи, в которую заливал бронзу и которую бы потом разбивал. Если кто-то будет считать, что форма не нужна, то будет неправ, потому что без нее нельзя отлить статую. А если кто-то скажет, что главное – сохранение формы, то это лишит ее смысла, потому что для выполнения своего предназначения ее сначала нужно обжечь расплавленным металлом, заставив страдать, а затем разбить. Такое разделение, такой дуализм возникает, если забываются смысл и назначение происходящего, и в поле зрения остается только глиняная форма. Тот, кто ее разрушает, становится злым, а тот, кто не дает ее разрушить, становится добрым. Это и есть понятия добра и зла, одинаково оторванные

от истинного предназначения мира, проявляющегося в истинно женском начале. Слава Гере!

– Про мужское начало… Ну… комфорт и счастье, – Марк избегал говорить слово «бабскость», – я могу понять, но как можно убедить людей в обратном?

– Бабскость – это органика, биомасса, оторванная от своего вселенского предназначения, быть временным пристанищем развивающихся осознаний. Но это миллионы лет органической эволюции, из которых соткана каждая наша клеточка. И это самая сильная пропагандистская машина из всех созданных, особенно сильная тем, что люди не понимают, что находятся под ее влиянием, наоборот – они считают себя свободными. А вот для того, чтобы естественному животному желанию радостной, гарантированной сытости для себя, семьи и сородичей, и свободы проявления всем своим врожденным, генетически запрограммированным наклонностям противопоставить какую-либо идею, нужна особая пропаганда этой идеи, и мужчины в этом преуспели. Хоть в этом…

– В смысле… «хоть в этом»? – захотела уточнить Белла.

– А потому что мужчины – явление местечковое и искусственное. Тогда как женское начало – вселенское. Женщине достаточно отбросить бабскость, и она превращается в ведьму, которой подвластно невообразимое, и без особых трансформаций. А вот мужчине для этого нужно… перестать быть мужчиной, – и сестра Мэй скрипуче рассмеялась, глядя на испуганное лицо юноши.

И опять Марк почувствовал холод между лопатками. Он вскочил на ноги, сделав это последним. И Белла, и жрица уже стояли, всматриваясь в три полупрозрачные фигуры, которые кружили вокруг них. Но Псы не нападали и даже постепенно замедляли свое движение. С Беллой тоже творилось что-то странное. Она как будто в трансе поднялась невысоко над землей и начала раскачиваться. Призрачные Псы, не отрываясь, смотрели на нее и постепенно стали вести себя как игривые щенки. Один переминался с лапы на лапу. Второй перевернулся и стал кататься на спине, третий – крутиться. Все их действия и покачивания Беллы были подчинены некоему единому ритму, как будто они двигались под только им слышную музыку.

– Что с ними? – вырвалось у Марка.

– Они заворожены ее танцем, – ответила жрица.

– Но она не танцует.

– Они заворожены танцем той, которая танцует внутри нее.

После этих слов Марку стало казаться, что он все более отчетливо видит танцующее мерцание вокруг Беллы.

Внезапно Псы поджали хвосты и стали пятиться назад, прижимаясь друг к другу, пока не растворились в темноте. К костру стремительно подошла Гера и движением руки опустила Беллу снова на землю. Жрица припала к ее ногам.

– Благодарю, сестра Мэй, я лично тебя встречу, когда придет время.

– Благодарю госпожа!

– А нам пора, – Гера посмотрела на Марка и Беллу, которая уже пришла в себя, но не понимала, что происходит.

Гера лишь немного развела руки, и земля стала стремительно удаляться. Затем они оказались в густом тумане, с летящими в нем призрачными розовыми фигурами, одна из которых следовала за ними дольше всех. Марку стало казаться, что не он летит через какую-то субстанцию, а вся субстанция мира сейчас протаскивается сквозь него, как сквозь сито. Потом он перестал видеть Беллу и Геру, но перед ним отчетливо стали проноситься эпизоды его жизни, и с особой яркостью возник недавний – когда он не помог человеку в туалете. Затем они словно выскочили на поверхность и оказались на берегу дивного озера, с прогуливающимися на его берегах людьми в хитонах, под огромным бирюзовым кольцом, которое парило высоко над всеми.

.

Глава 11

.

Марк почувствовал твердую почву под ногами, свежий ветерок и собственную тяжесть.

– У тебя тоже?.. – юноша руками постарался показать Белле мелькание сцен из своей жизни, которое только что наблюдал.

– Да, – произнесла Белла, еще находящаяся под впечатлением от увиденного.

Гера взглядом отыскала кого-то на берегу и подала знак подойти. Сама же обратилась к человеку, который уже стоял рядом с восторженным видом.

– Слышала, что ты родишься в другой касте, Птоломерх, в которой твое осознание станет развиваться быстрее. Поздравляю.

– Спасибо. Я счастлив. Ведь в новой касте я быстрее натренирую осознание.

– А то ты к нам зачастил последнее время.

– Мне пять раз отрубали голову там, – Птоломерх смущенно улыбнулся Марку, кивнув на озеро.

– За что? – автоматически спросил юноша.

– Ну, первые три раза за атеизм, это чтобы я сам побыстрее убедился в своей ошибке.

– Три раза?!

– Да, беда в том, что, когда перерождаешься, не помнишь, что было здесь, – Птоломерх показал себе под ноги, – и что было до этого.

– А еще два раза?

– За протесты против кастовой системы. Правда, парадоксально?

– Да, пожалуй, – ответил Марк.

Подошедший по знаку Геры человек показался очень знакомым. Но узнал его Марк только по огненно-рыжим волосам, настолько он изменился. Это был художник Анри, с которым они встретились в городской тюрьме.

– Меня просили о тебе позаботиться, следуй за мной, – покровительственно произнесла Гера.

Анри кивнул и улыбнулся Белле с Марком. Все они двинулись за Герой, прочь от озера, из которого одни люди выходили и в которое другие входили.

– Вы тоже умерли? – радостно спросил Анри.

– Не знаем еще, – честно признался Марк, – вся жизнь пронеслась перед глазами.

– У меня тоже, – сказала Белла.

– Значит, умерли, – заключил Анри, который в этом мире, видимо, чувствовал себя уверенней, чем они. – Все осознания для подготовки к восприятию Кольца должны проходить подготовку в озерах-мирах, проживая там жизнь за жизнью. И каждый раз вынося оттуда новый опыт осознавания. Человек постепенно, старея, очень ярко вспоминает все прожитое и собирает осознанное в багаж, готовясь с ним покинуть мир. Но в экстренных случаях «сбор пожитков» происходит в экстренном порядке, вот и проносится вся жизнь перед глазами.

Марк был в смятении. Не то, чтобы он очень боялся Царства Божьего, но все-таки смерть ему представлялась особенным и более торжественным, что ли, событием. Белла же больше была поглощена выяснением того, что с ней случилось в пустыне, и заставила Марка все ей рассказать в подробностях. Пока юноша рассказывал, сквозь огромные валуны показалось еще одно озеро с такими же многолюдными берегами.

Они подошли к группе людей, которые очень оживились, увидев Геру. Вперед выступил их предводитель.

– Мы требуем, чтобы Аломех добросовестно проходил тренировки в нашем благословенном мире-тренажере, – и при этих словах предводитель театральным жестом показал рукой на озеро.

– А я уверен, что в таких тренировках не нуждаюсь и хочу

сразу туда, – при этом Аломех, мокрый мужчина с обрывком веревки на шее, указал наверх.

Марк поднял голову и посмотрел на огромный, во все небо, сине-зеленый обруч.

– Все должны проходить эти тренировки, от начала до конца, в этом предназначение миров и заключается, а не кончать самоубийством при каждом удобном случае. Нетренированное осознание может испытывать в Абсолюте муки, которые никогда ранее не испытывало, – продолжал настаивать предводитель.

– Для всех остальных – да. Согласен. Но я могу объективно оценить свои возможности. И утверждаю, что готов к тому непостижимому, которое ждет меня там. Я знаю свои способности, поэтому и прекращаю тренировки досрочно, кончая самоубийством.

При этих словах Аломех активно жестикулировал, показывая «там» и «здесь». Потом все замолчали и задумались.

– Ну, а от меня вы что хотите? – нарушила молчание Гера.

– Рассуди нас. Отпускать нам его или нет? – сказал предводитель.

– Отпустите, раз он сам просится.

– Да здравствует свобода свободной воли! – прокричал Аломех и принялся танцевать, забросив обрывок от петли за спину.

Гера смотрела на его танец с полуулыбкой, а предводитель – со скептической ухмылкой. У всех же остальных был вид зевак, ожидающих кормление крокодила в зоопарке. В танце Аломех вскинул правую руку, и тут же какая-то сила ухватила за нее и потянула вверх. Он стремительно поднялся к сине-зеленому обручу и исчез в нем, издав нечеловеческий крик. Нечеловеческий потому, что в нем не было ни физической боли, ни страха, но и возгласом радости он определенно тоже не был.

Гера продолжила путь по берегу озера. Остальные – за ней.

– Что это было? – спросил Марк у Анри.

– Наши осознания проходят тренировку в мирах-озерах, пока не станут готовы к восприятию Абсолюта за Кольцом.

– А если осознание будет еще не готово и попадет туда, как сейчас?..

– То воспримет Абсолют как болезненный хаос, вечный и невыносимый.

– Как ад?

– Да.

Они вышли на богато убранный холм, с которого было видно все озеро, вся оживленная жизнь на его берегах, и прошли к вершине сквозь плотное кольцо людей, почтительно

расступающихся перед ними. Гера села на трон и осмотрелась. Рядом сразу оказался секретарь, с готовностью ожидая распоряжений.

– Все спокойно было без меня?

– Да, госпожа. Вот идет первый посетитель, – секретарь указал на взъерошенного человека в сером хитоне, который пробирался сквозь толпу.

Гера жестом показала, чтобы Марк и Белла отступили назад, и начала принимать от секретаря символы верховной власти.

Отступив, Марк расслышал чей-то тихий разговор сзади.

– Кого она привела с собой на этот раз?

– Они тоже из команды Генри и Петра.

– И для чего она их собирает?

– Они должны разрушить жизнь Золотого Города и найти Боба в обличье белой мыши.

– А когда найдут…

– Убьют, наверное.

– А Гера почему им помогает?

– Она не может нарушить Небесную Оферту и освободить из тюрьмы осознаний свою Сью, а они могут это сделать.

Голоса замолчали, потому что человек в сером уже стоял перед троном. Марк же в очередной раз был сбит с толку, не зная, что и подумать о братстве и их миссии. Он машинально пощупал карман, в котором все так же лежал орех.

– Жертва? – спросил секретарь у растрепанного человека в сером.

– Да, точно. Там я был бараном, и меня принесли в жертву.

– Чего ради? – громогласно спросила Гера, которая успела надеть золотую корону с подобием инкрустированных козлиных рогов, взять в руки массивный посох и принять величественную позу.

– Когда меня закалывали, они просили помочь в строительстве оросительной системы.

– Зачем она им?

– Ну, или чтобы в грязи плескаться, или чтобы сельскохозяйственные культуры выращивать, – с сарказмом ответил проситель.

– Это понятно, – с досадой произнесла Гера, но уже без прежнего пафоса и даже сменив позу на более расслабленную, – просто я уже помогла им наладить торговлю и ремесла, а с учетом месторасположения и трендов цен на сельскохозяйственные культуры им самим выращивать их невыгодно.

– Я – баран, а не экономист, – ответил человек в сером, –

меня просили – я передал.

– Ладно, я подумаю, – ответила Гера и посмотрела на секретаря.

– Аудиенция закончена, – объявил официальным тоном тот.

Проситель с видом «как скажете» удалился, а Гера жестом предложила Белле и Марку встать перед ней. Марк воспользовался этим, чтобы взглянуть на говорящих за его спиной, но там уже никого не было

– Любопытное ощущение испытываешь, когда перед тобой сразу два сна третьего или выше уровня, – задумчиво произнесла Гера.

– Мы?

– Да. По сути, ваши осознания сильнее осознания любого бога здесь и даже сильнее меня.

– Мы?!

– Ну, конкретно сейчас вы – недоразумения третьего уровня, – улыбнулась Гера.

– Как это?

– Вы помните свои сны и какие вы там примитивные? А возможно, вы видели вложенные сны, в которых вы еще примитивней. Так вот вы сейчас – такие многократно вложенные сны очень мощных осознаний. Впрочем, не теряйте времени – вас уже заждались там.

Гера махнула рукой в сторону каменной резной беседки и посмотрела на секретаря, который подал знак, и к трону начал пробираться другой проситель в сером.

– Кстати, – решила прояснить ситуацию богиня, – вы еще не умерли.

Марк и Белла вошли в беседку, не зная, кто их там ждет. И были очень обрадованы, увидев Бешеного Гарри, Лауру, Леопольда и обоих магистров, которые, судя по внешнему виду, опять были полны энергии.

– Вы были мертвы? – спросила девушка у членов братства.

– Это не так легко сделать, – ответил магистр Генри. – Мы были заброшены Призрачными Псами Боба в мир призрачного тумана и блуждали бы там довольно долго, если бы не Гера.

– А где Сергей?

– Именно он и натравил на нас Псов.

– Сергей?

– Но его же самого… проглотили.

– Да, но из призрачного тумана его сразу и забрали. Сейчас он где-нибудь с другими помощниками Боба.

– Предатель! – бурно возмутился Леопольд. – И это он взорвал рубку дисколета, чтобы нас задержать. Я же говорил, что

почувствовал бы ракету!

– Да. Но у нас осталось мало времени. Вы отправляетесь в Золотой Город, чтобы отыскать там мышь, – поставил задачу Генри.

– А как мы ее там найдем?

– Вы – сны третьего или больше уровня. В этом мире отблеск ваших осознаний крайне тускл. Но они помогут, если вы дадите им шанс проявить себя в виде озарения интуиции или каких-нибудь случайностей. Особенно ярко это проявляется сейчас у Беллы, так что слушайте, что она говорит, – сказал Генри.

– И не слушайте ее объяснений, – улыбнулся Петр.

– А что делать, когда найдем? – спросил Марк.

– Гарри с Лаурой знают, что делать, и на месте объяснят. Они же знают и что делать с Городом.

– Я тоже знаю, – буркнул уязвленный Леопольд.

– А вы не с нами? – спросила Белла, глядя на магистров.

– Нет. Мы направляемся к Фреди, – ответил Генри, – потом объясним.

– Да и стар я уже, чтобы бегать по городу, – опять улыбнулся Петр.

Марк был рад и тому, что они переходят к активным действиям, которые, может быть, помогут его матери и всему миру, и тому рад, что нашлись члены Братства. Но он уже понял, что будет скучать по тем минутам, когда они были с Беллой совсем одни. Да, и планы Братства относительно Золотого Города его настораживали.

Магистры начали кружиться вокруг оси, и Марк, не успев обдумать, готов ли участвовать в уничтожении Города, снова почувствовал, что через него протаскивают вселенную, затем были туман и… стена.

.

Глава 12

.

Бешеный Гарри, Лаура, Белла, Марк и Леопольд оказались в тупике, между трех глухих стен. Осмотрев себя и поправив одежду, они двинулись к яркому пятну света – выходу. И выйдя, были ослеплены куполом, который начинался как раз рядом, потому что они находились, как оказалось, около внешней границы города. Купол был золотистого цвета и казался искрящимся.

– Проклятый купол, – сказал Гарри, – я был здесь 183 года назад, когда его только построили. Он управляется из Центра.

Марк с удивлением водил по куполу глазами, выхватывая события, которые происходили за пределами города. Он увидел

свою бродящую по парку маму. Его сердце сжалось, и он вспомнил, для чего он здесь. Прочь сомнения! Он хотел уничтожить эту мышь любой ценой. Белла тоже, как завороженная, смотрела на купол и вдруг обрадованно закричала.

– Мама, мама!

Все автоматически посмотрели туда, куда показывала она, но ничего не увидели. Вернее, каждый видел свое.

Лаура мягко взяла руку Беллы и повела ее вглубь города, прочь от купола. Они проходили мимо рядов людей, которые стояли и, не отрываясь, смотрели вверх. И внезапно по рядам пронеслись возгласы:

– Ужас!

– Ужас!

– Безумие!

Волна возгласов и оживления прошла через членов Братства, которые на общем фоне выглядели безучастными и растерянными. Летающий неподалеку полицейский дрон заметил несоответствие и подлетел поближе. Гарри увидел это движение и подал какой-то знак Лауре, на который та с пониманием кивнула.

– Раз, раз, – раздался в голове Марка голос Гарри.

Судя по тому, как подпрыгнула Белла, для нее это тоже было неожиданностью.

– Лаура умеет влазить в мозги и организовывать телепатическую связь, поэтому будем разговаривать так, – раздался в голове голос Гарри.

– Я всегда так и разговариваю, – заметил голос Леопольда.

– А зачем? – уже мысленно спросила Белла.

– Здесь лучше не выделяться, если хотим дойти до Центра.

– Если в следующий раз люди разглядят в куполе что-то возмущающее – делайте, как они.

– А почему они так странно себя ведут? – задал свой первый телепатический вопрос Марк.

– Это первый круг Золотого Города, – пояснил Гарри, видимо, считая, что этого объяснения достаточно.

– Здесь собираются те, чей смысл жизни остался за этим куполом, – пришел на помощь Леопольд.

– Но их же вроде возмущает то, что снаружи.

– Да, здесь те, кому еще нужна борьба, хотя бы ее видимость. Там они были против всего и бежали сюда, но оказалось, что без противостояния ценностей, без борьбы (даже ее имитации) жизнь пресна и лишена смысла. Поэтому они приходят сюда, становятся спиной к мечте, к которой так рвались, и живут только поводами для возмущений, которые видят в куполе, – продолжил Леопольд.

– По мне так это лучшие люди в этом Городе, – добавил Гарри. – Смысл их жизни остался в том мире страданий, борьбы и противоречий, который они проклинают, но с которым связаны все их помыслы.

– Повернитесь, приготовьтесь и не забывайте, что кричать нужно вслух, – проинструктировала Лаура.

Волна возмущений приближалась, вздымая ряды наблюдателей, подкидывая парящих над ними дронов и птиц, но на этот раз члены Братства активно ее подхватили.

– Ужас!

– Хаос!

– Безумие!

– Мракобесие!

Полицейский дрон, видимо удовлетворенный реакцией, поднялся высоко над строениями, которые у края купола были еще невысокими.

Гарри повел всех вглубь Города по широкой улице, встав на одну из движущихся полос, что сделали и остальные. Дома были полупрозрачные, в том смысле, что частично виднелись улицы за ними, однако то, что происходило в самих зданиях, видно не было.

– Тут многое изменилось, – опять мысленно произнес Гарри.

– Вы тут были? – спросила Белла, которая после рассказа сестры Мэй по-другому взглянула на членов Братства.

– Сразу после возведения этого чертового купола.

– А что с ним не так? Мне нравится, – сказала Белла, которая при каждом удобном случае старалась увидеть в нем свою маму.

– В нем все не так. Он управляется из Центра информационным генератором, и это он вводит в заблуждение жителей Города.

– Ну, не совсем так… – начал было Леопольд.

– А я собственными глазами видел, как этот генератор включали 183 года назад!

Они вышли на второй круг Города – вторую кольцевую улицу. Люди здесь по-прежнему часто смотрели вверх на купол, но много общались и между собой.

– Осторожно, проходим через эпистолярный кружок. Старайтесь не встречаться глазами с ведущей, иначе нужно будет зачитывать текст.

– Какой текст?

– Они все здесь пишут открытые письма на различные события за куполом.

– Предлагаю тему для миниатюр: «На смерть Анри», – раздался сильный женский голос.

– Смерть художника Анри разорвала на части и меня, – раздался другой женский голос. – И я задаю себе вопросы. Кто сделал бомбу, которая прервала его жизнь? И будет ли когда-нибудь существовать мир, в котором не убивают художников?

Люди вокруг зааплодировали, и Белла подняла глаза.

– А что нам прочитают наши новые друзья? – обратилась ведущая уже к членам Братства.

– Ничего, – сразу ответила Белла.

Возникла неловкая пауза. И два полицейских дрона, запрограммированные на неловкие паузы, начали спускаться.

– Она стесняется, но у нее есть замечательный спич на эту тему, который я вам зачитаю, – вмешалась Лаура.

Девочка приняла театральную позу, закатила глаза и продекламировала:

– Я себя спрашиваю, доколи? Доколи с молчаливого согласия людей, которых я люблю, с молчаливого одобрения этого тупого стада будут убивать дизайнеров и художников, клерков и преподавателей, которых я тоже люблю!

Раздались жидкие аплодисменты.

– Ну что же, несмотря на некоторую неутонченность и использование устаревших выражений, спич не лишен экспрессии. Мы желаем вам, девушка, успехов на выбранном поприще.

Дроны опять поднялись. Ведущая уже обратилась к другой присутствующей женщине. А Гарри продолжил вести товарищей вглубь Города. Купол защищал от нужды, забот и от других людей, но был бессилен перед приближающейся катастрофой – над людьми то там, то тут поднимались розовые облачка.

– А что ей не понравилось в устаревших выражениях?! – уже мысленно возмущалась Лаура.

Они опять встали на движущуюся полосу, которая везла их к Центру. Марк заметил, что люди выглядят и одеваются здесь гораздо разнообразнее, чем в других местах. А их лица – более открытые и приятные, какие бывают у людей, никогда не принимавших сложных решений.

– Какие у нас планы, если мы не успеем спасти этот мир? – вдруг спросил Леопольд.

– Мы сначала отправимся к Петру, в один уютный мир, немного отдохнуть, – беззаботно сказала Лаура, как будто речь шла о планировании уикенда.

– Он меня тоже звал, – откликнулся Леопольд, – а у нашей молодежи какие планы?

Но Белла и Марк даже не могли себе представить этой ситуации, не говоря уже о том, что не могли относиться к концу

мира, просто как к изменению планов. Они не ответили. Хотя Белла и не очень переживала по этому поводу, она почему-то была уверена, что с миром ничего не случится, не в этот раз.

– Третий круг, – объявил Гарри.

И им опять нужно было пройти мимо группы, состоящей в основном из женщин.

– Не смотрите на ведущую, – опять предупредил Гарри, – это клуб тонкой политической прозы.

– А что это такое? – спросил Марк.

– Это когда читателя подводят к определенному выводу, но не озвучивают его напрямую.

– Кто еще хочет поделиться фабулой своего рассказа? – раздался голос ведущей. – Вы, девушка?

Белла опять подняла глаза.

– Или вы, – уже обращаясь к Белле, сказала ведущая.

– Я поделюсь за нее, – тут же выступила Лаура, не дожидаясь неловкой паузы и привлечения внимания полицейских дронов.

– В ее рассказе описывается жизнь двух хороших соседей, которые часто вместе играют в шахматы. Но сосед справа подключился к информационному каналу с неправильной идеологией и через год отравил собаку соседа слева, которую все любили и которая не сделала никому ничего плохого.

– Какой замечательный сюжет! Читатель сделает правильный вывод о том, что неправильная идеология отравила сознание соседа справа, и он отравил милую собачку слева. Этот рассказ может стать «Му-Му» нашего времени!

И они опять двинулись дальше. Купол становился все выше и выше, но по-прежнему выполнял свою функцию. Марк видел в нем свой город и мать, обедающую в парке. Белла же видела свою. Еще Марку показалось, что между землей под Городом и тротуаром все время ведется напряженная борьба, приводящая к появлению еле заметных впадин или возвышений, которые тут же распрямляются.

– Это четвертый круг, – сказал Гарри. – Эти люди уже почти полностью подчинены органике, но они еще чувствуют пресность такой жизни. Им уже недоступна глубина, и поэтому они ищут на поверхности явлений. Это общество любителей прелестных вещичек и занятных наблюдений.

– А можно я расскажу о своем наблюдении? – сразу обратилась Лаура к собравшимся, уже не дожидаясь предложения выступить.

– Конечно.

– Я расскажу о мужчине, любителе винтажной одежды, который носит ботинки на шнурках. Они очень дорогие, и жена

запрещает ему снимать их, не расшнуровывая. Он все равно снимает их, не расшнуровывая, якобы чтобы не наклоняться, но потом нагибается, поднимает и расшнуровывает в руках, чтобы не ругала жена, и так каждый раз.

– Как мило.

– Какая прелесть.

– Такая наблюдательность в таком юном возрасте!

На этот раз члены братства Белой Мыши даже не останавливались на время этого короткого разговора и продолжали свое движение к Центру.

– А вот и Бартоломей Первый! – воскликнул мысленно Леопольд.

Находясь на движущемся тротуаре, они проехали мимо робота – точной копии Бартоломея Второго, которого видели у отшельника в пустыне. Робот, видимо, жил очень насыщенной жизнью: он то наносил несколько мазков на мольберте, то начинал танцевать подобие джиги.

– Он живой? – спросила Белла.

– Вот еще! – возмутился Леопольд. – В нем просто меняются программы поведения, которые создают иллюзию свободы и осознания.

– Белорусские художники! Здесь все – иллюзия, – воскликнул Бешеный Гарри, который явно недолюбливал этот город, – вот доберемся до генератора и покончим с нею.

– Гарри, тебе нельзя так волноваться, – заботливо заметила Лаура.

– Я и не волнуюсь. Я просто говорю: делая то, что тебе хочется, – ты не свободен. Это иллюзия.

– Конечно, – продолжил Леопольд. – Свобода воли – в осознании выбора, который является неопределенным и незапрограммированным. Свобода воли проявляется только в сомнении, и чем мучительней выбор, тем в большей мере он осознается и тем больше свободы. Парадокс же в том, что свободой считают запрограммированное поведение, потому что сам запрограммированный субъект этого не замечает.

– Здесь все так, – продолжал возмущаться Гарри, – свободой считается полная зависимость от органической программы и врожденных склонностей, а разнообразием – полное ее отсутствие.

– А по-моему, они все тут разные, – вставила слово Белла, которой хотелось немного подразнить Гарри.

– Все лишь пустая форма, – тут же откликнулся он. – Разнообразием считается видимость, но отклонение от ценностей недопустимо. Только ценности «бабскость плюс» считаются

единственно верными и общечеловеческими, а любое упоминание о возможности других ценностей порождает негодование и обвинение в высокомерии. Но только ценностями и могут по-настоящему отличаться люди. Вот я и говорю, все их разнообразие – тоже иллюзия.

– Я бы даже развил эту мысль, – продолжил Леопольд, который любил подобные разговоры. – Мерой значимости являются эмоции. Поэтому настоящее разнообразие есть только там, где у людей есть разные ценности, и каждый считает свои более верными, осуждая другие. Разнообразие – в количестве границ. Они порождают сомнения и проблемы выбора.

– Чего ж хорошего, если все ругаются? – возразила Белла.

– Многополярность хоть и создают люди, не ведающие сомнений, но у остальных появляются повод для сомнений и многочисленные ситуации выбора, – продолжил философствовать Леопольд. – По-настоящему опасна же ситуация, когда в обществе царит единство ценностей, даже замаскированная под разнообразие внешних признаков. Энтропия такого общества очень низка, и оно может рассыпаться почти мгновенно.

– А как же толерантность? – спросила Белла, продолжая дразнить собеседников.

– Вот она и убивает разнообразие! – даже в мысленном разговоре чувствовалось, как Гарри скрежетал зубами. – Кстати, проходим пятый, самый бабский круг.

– Я хочу есть, – сказала Лаура.

Они пересекали, наверное, самый многолюдный и самый широкий круг Города. Жители приветливо улыбались и неторопливо прогуливались. Несмотря на эпитет, которым его наградил Гарри, мужчин было не меньше, чем женщин. Играли уличные музыканты, зазывалы приглашали посетить то или иное заведение. Золотистый купол был уже очень высоко, и нужно было очень постараться, чтобы в нем что-то разглядеть, но большинству это и не нужно. Розовые пузыри продолжали подниматься. И даже сквозь купол было видно, что небо начинает краснеть.

Гарри купил Лауре пакет с пирожками и сок. И только она откусила большой кусок – рядом упал пробегавший мальчик лет пяти. К упавшему тут же кинулись женщины и принялись его утешать.

– Если побеждает идеология бабскости, – продолжал телепатически ворчать Гарри, – то весь мир превращается в избалованного, капризного ребенка.

– Почему это? – спросила Белла, весело взглянув на Марка, как бы приглашая его в сообщники.

– Природная женская склонность оберегать детей вырастает здесь до размеров главенствующей идеологии. Стоит кому-нибудь расшибить коленку или получить по лбу, общество начинает голосить и жалеть преследуемого. Женское желание любой ценой держать ребенка в комфортных условиях, став главной идеологией, заставляет общество наделять каждого человека все большими и большими правами, по самому факту рождения. Любой каприз должен исполняться, лишь бы дитя не заплакало!

– И разве это плохо? – спросил Марк, тоже улыбнувшись Белле.

Гарри быстро посмотрел на юношу с девушкой и, поняв, что его специально дразнят, улыбнулся.

– Всех перестреляю, – уже миролюбиво добавил он.

– Право, – продолжил Леопольд, который не мог не вмешаться в дискуссию, – это то, что дается без борьбы, без работы…

– На халяву, – уточнила Лаура, которой телепатическая форма разговора позволяла участвовать в нем даже с набитым ртом.

– Права хороши, – сказал Гарри, – если позволяют не отвлекаться на мелочи от более крупных и значимых сомнений и страданий. Но, став самоцелью, оказывают медвежью услугу.

– Да, – продолжил свою лекцию Леопольд, – в обществе «бабскость плюс» каждый считает, что ему обязаны создать комфортные условия. Матери не нужны причины, чтобы оберегать своего ребенка, и такое общество оберегает всех, не вдаваясь в причины. Поэтому происходит уравнение всех и вся. Каждый теперь является той куклой-младенцем, которую нужно оберегать и от всего ограждать, потому что так запрограммировано органикой, и в этом смысле все куклы одинаковы. Борьба, как риск и неизбежная потеря чего-то для себя важного в виде платы за успех, как источник сомнений в справедливости такой цены, теряет свой смысл. Целые сообщества, города и страны делают обиженное лицо или катаются в истерике с целью привлечь «мамок» и добиться своего, и теперь уже это называется борьбой. Впрочем, мне не очень нравится термин «бабскость плюс». Я, как и некоторые другие ученые, называю это обществом потребления, либеральной идеологией или культом слабых и обиженных, в зависимости от контекста научного диспута.

Среди гуляющих Марк увидел женщин, которых они встретили на военной базе, но Виолетты среди них не было.

– А они все где-нибудь работают? – задала Белла вопрос, который крутился в голове и у Марка.

– Да, но особо не напрягаясь, – ответил Гарри. – Работяг,

бизнесменов и военных отсюда в конце концов вывезли.

– Если человек сильно устает, борясь с собственной природой, зарабатывая для себя или своей семьи, – начал еще одно пространное объяснение Леопольд. – Или если он противостоит каким-то силам, или если участвует в жесткой конкурентной борьбе, или является частью производственных отношений, то такой человек живет среди реальных процессов и явлений, и он, как правило, не разделяет категоричных идеалов общества «бабскость плюс».

– Термин как термин, – заметил Гарри.

– Их присутствие мешало созданию атмосферы абсолютного единства ценностей, веры в их непоколебимость и их высшее предназначение. Поэтому этих людей постепенно переместили за купол. Там они обеспечивают жизнедеятельность Города и его этическую стерильность, если так можно выразиться, позволяя жителям оставаться верными своим иллюзиям, – закончил объяснение Леопольд.

– Кстати, про иллюзии, – добавил Гарри, – я знаю несколько случаев, когда жители Золотого Города избирались мэрами других городов Содружества. Так они там разваливали, все что можно.

Члены Братства уже почти прошли пятый круг, когда им попался автомат, торгующий орехами. Лаура колебалась, но в конце концов отказалась.

– А Марку они тоже не нужны, – с ухмылкой сказал Гарри.– У него уже есть один, а может, даже два.

Юноша по прежнему не допускал мысли о том, что кто-то знает про орех-маяк в его кармане, поэтому слова Гарри счел какой-то грубой солдафонской шуткой.

Они двинулись дальше, и Марк был удивлен, как быстро пропало многообразие форм. Дома и люди становились все более однообразными. И на фоне этой побеждающей серости ему все больше хотелось смотреть на Беллу, которая выделялась еще и тем, что шла пританцовывая, смешно размахивая руками, как это делают маленькие дети. И Марку еще не раз предстояло убедиться в том, как легко в этой девушке уживались маленькая девочка и взрослая женщина.

На встречу шла Виолетта, которая обрадовалась им, как старым знакомым.

– А я уже оттуда, – глубоким грудным голосом сказала она, – там уже на меня донос настрочили.

Марку показалось, что слово «донос» она произносила с особым удовольствием.

– Но мне не привыкать, – продолжила Виолетта, – вернусь в

первый круг. Там у меня и вещи кое-какие остались.

Братство вышло на последний круг, который выглядел как огромная площадь с цилиндрическим строением по середине. Марк догадался, что это и есть Центр, к которому они прорываются. Помимо всеобщей серости и одинаковости бросалось в глаза еще большое количество дронов и роботов-полицейских.

– Белла, мы правильно идем? – мысленно задал вопрос Гарри, имея в виду, скорее всего, местонахождение белой мыши.

– Ну да, – ответила Белла, полагая, что ее спрашивают про Центр.

– Это шестой круг, – сказал Гарри, – всем общаться только мысленно. Не привлекайте внимания полицейских.

– А почему он такой… – начал было Марк.

– …серый? – закончила вопрос Белла.

– Это круг предельной толерантности. Если отличия нельзя комментировать, нельзя критиковать, если нельзя никак реагировать на них, то они теряют смысл. Даже молодежь одевается по-другому, чтобы провести границу, вызвать осуждение, бросить вызов. Но если на все эти проявления наложен запрет, то в отличиях, даже внешних, нет никакого толку. А ценности выровняли еще раньше, поэтому общество становится абсолютно одинаковым и безликим.

– Как в больнице, – прокомментировала Белла.

– Вот именно, – подхватил Леопольд, – мы, ученые-психологи, называем это состояние неврозом толерантности. Миры созданы для сомнений, борьбы и страданий. Люди, лишенные этого, сами создают себе страдания и борьбу на ровном, что называется, месте, они создают трагедии из брошенного слова или взгляда, и легко впадают в депрессию. Подавление естественных стремлений души к борьбе и страданиям вызывает невротические реакции. Но в отличие от того, когда подавляются животные, органические устремления, в этом случае возникает невроз души, что гораздо разрушительнее для осознания. Эти подавленные стремления накапливаются и могут вырваться наружу совершенно неожиданно в уродливой, концентрированной форме.

– Поэтому здесь полицейскими все нашпиговано, – отметил Гарри.

– Да, это может быть немотивированная жестокость как со стороны отдельных жителей, так и со стороны всего общества. Причины чаще всего формальны – любая радикальная идеология, любое упоминание об анонимных источниках или свидетельствах в социальных сетях. Эти причины, собственно, и не нужны. Переход от полной толерантности к полному неприятию

происходит мгновенно.

– А еще они начинают придумывать смешные законы, – добавила Лаура.

– Да, хотя это уже называется толерантной шизофренией, – важно заметил Леопольд, – толерантность становится самоцелью и доводится до абсурда.

Внимание Марка привлекла женщина в знакомых одеяниях. На ее одежде были вышиты такие же козы и такие же узоры, как на одеждах Геры и сестры Мэй. Дама что-то вязала. Ведомый предчувствием, Марк подошел к ней, оторвавшись от остальных, и убедился, что женщина вяжет носки с изображением овечек.

– Матушка Сью? – обратился к ней юноша.

– Кто ко мне обращается?

– Вы знаете богиню Геру?

– Слово «богиня» запрещено, оно может оскорбить людей другой веры.

– У нее на одежде такая же вышивка, что и у вас.

– Нельзя сравнивать одежду, это может вызвать комплекс неполноценности.

– Она думает, что вы в тюрьме для осознаний.

После этих слов два ближайших робота повернулись и напали на юношу.

Один из них, ловко стукнув в подколенные впадины, поставил Марка на колени, второй приставил к голове какой-то сканер. Окружающие люди и матушка Сью (а это была она) торопливо отвернулись, сделав вид, что ничего не происходит. Далее события происходили так быстро, что потом Марку было очень сложно вспомнить все детали.

Раздалось шипение, и оба робота-полицейских упали, а Гарри сдувал воображаемый дымок из ствола своего оружия. Лаура и Белла разгоняли дроны какими-то палками, а Леопольд помог подняться Марку, который после удара еще не чувствовал ног. Подошедшие роботы-полицейские начинали теснить членов братства Белой Мыши к стене. Пятясь, они сами не заметили, как встали на большой люк, который под ними неожиданно перевернулся, и все Братство, не считая, конечно, отсутствующих магистров, провалилось в пустоту.

.

Глава 13

.

Провалившись, члены братства оказались в комнате с четырьмя молодыми людьми, которые приветственно подняли кулаки.

– Мы революционеры, – представились молодые люди.

– И что вы тут делаете?

– Прячемся.

– Полиция не знает про вас и ваше место?

– Знает.

– Но вы от нее тут прячетесь.

– Да.

– Ясно.

– А что вы еще делаете? – спросил Гарри, изучая обстановку в городе по мониторам.

– Мы не можем ничего делать, Город нас лишает слова.

– Вы же можете выступать в социальных сетях.

– Мы выступаем, но нас там никто не слушает. Город затыкает нам рот, не отдавая нам свои информационные каналы.

– То есть вы боретесь против Города и ждете, когда он вам отдаст свои информационные каналы?

– Да, половину, это было бы честно.

– Ясно. А не пробовали выйти отсюда и начать бороться по-настоящему?

– Система настолько чудовищна, что нас арестуют, если мы против нее начнем бороться.

– То есть вы согласны бороться, только если Город все сам сделает для вашей победы, и без всякого риска для вас.

– Да, – обрадованно, найдя понимание, переглянулись парни. – Мы должны иметь право победить, и мы не должны подвергаться риску.

– Ясно. Ну… тоже принцип. Тогда дальше мы сами. Куда ведет этот ход?

– На пятый круг.

– Отлично.

По мониторам было видно, что роботы уже открывают люк. Вслед за Гарри все втиснулись в узкий лаз, в котором их подхватила сильная струя воздуха, как в трубе пневмопочты. И через несколько секунд они выскочили на пятом круге.

– Нужно огорошить роботов, – сказал Гарри. – Они долго соображают, если сталкиваются с нештатной ситуацией. Они должны нас доставить в Центр, но мы туда сами и направимся. Они ждут, что мы будем прятаться, а мы создадим шумную толпу. И сыграем для этого на женских слабостях.

– На чем? – переспросила Белла.

– На женской сострадательности, – пояснил Гарри.

– Мы сыграем на их сострадании, чтобы разрушить их же Город? – переспросил Марк, которому опять было сложно понять, хорошо они поступают или нет.

– Да. Все так обычно и делают.

Гарри провел рукой, и вся Лаура оказалась забинтованной. Девочка попробовала сделать шаг и чуть не упала, но ее поддержала Белла. Тогда Гарри опять повел рукой и ослабил повязки. Потом, еще присмотревшись, добавил проступающие пятна крови. Оставшись довольным своей работой, Гарри придал своему взгляду растерянную трагичность, подхватил девочку на руки и решительно двинулся к Центру. Остальные на секунду замешкались, а затем бросились догонять. И на них сразу обратили внимание. Люди захлопали глазами, фотографируя и рассылая фото. Со всех сторон раздавались сострадательные возгласы и причитания. Люди сбегались со всего круга и образовали внушительную процессию, которую замыкал Бартоломей Первый, жонглирующий головными уборами и ботинками.

Полицейские обступили всю колонну, а дроны кружили над ней плотной стаей. Но, как и сказал Гарри, роботы были сбиты с толку и не предпринимали никаких действий. На опустевшей улице остались только люди, которые с пустым взглядом выполняли определенные повторяющиеся действия. Один жал на сенсор автомата, другой стучал рукой по тротуару, а несколько женщин качали пустые детские коляски.

Вся внушительная процессия быстро дошла до дверей Центра, за которыми сразу скрылись члены Братства. А толпа осталась и требовала призвать к ответу палачей, не жалеющих детей.

То, что потом произошло в Центре, тоже не отличалось ни особой лиричностью, ни затянутостью. Бешеный Гарри своим оружием отрезал голову роботу-охраннику, поднял его бластер и с его помощью широким движением проделал большое отверстие в глухой стене напротив. Когда пыль немного осела, Гарри с особым удовольствием расстрелял громоздкую установку, стоящую за стеной. Марк догадался, что это и был тот самый генератор купола.

– Вот теперь вы никому не задурите голову, – сказал удовлетворенно Гарри и отбросил оружие.

И в тот же миг они оказались окруженными десятком полицейских под дулами их бластеров.

.

Глава 14

.

Магистры Генри и Петр вошли в просторную пещеру, которая, если бы ее увидел Марк, выглядела изнутри как ультрасовременная лаборатория. Множество экранов, голограмм и каких-то панелей, напоминающих пульты управления. Но в глубине пещеры виднелись и более архаичные устройства, вплоть

до труб с вентилями и кранами.

К магистрам повернулся хозяин лаборатории, бициклоп Фреди, и внимательно посмотрел на них своим единственным глазом с двумя зрачками. Вид у него был веселый, почти игривый.

– Я уже думал, не придете, – потирая руки от нетерпения, сказал он.

– А мы боялись, что ты не согласишься, – признался Генри.

– Ну, нечасто удается поиграть таким составом, – ответил Фреди.

– Это же не совсем игра, – осторожно начал Гарри, – на кону судьба одного мира.

– Мне Председатель передал, – сказал Фреди, – я бы не вмешивался. Но раз вы просите, а Председатель разрешил… Сделаем. Но для начала вы мне должны одну партию в бисер.

Магистры переглянулись. Они-то считали, что их полная энергия – уже необычайно высокая плата за эту услугу. Но не стали перечить, к тому же, возможно, Фреди и Председатель по какой-то причине хотели скрыть факт передачи энергии. Кроме того, одна партия в бисер – не самое утомительное занятие.

По правилам игры играющие должны произносить тезисы, как-то связанные с предыдущими высказываниями. Их тематика может быть любой. Сам игрок определяет, к какому тезису он прикрепляет свой. Когда появляется число сдвоенных тезисов, равное числу игроков, игра заканчивается. А сдвоенный тезис – связанный сразу с двумя или более высказываниями.

Фреди и магистры расположились в удобных креслах, которые сразу поднялись над полом и образовали треугольник. Бициклоп на правах хозяина сделал первый ход и отпустил шутку по поводу их общего знакомого по Совету.

Здесь я приведу несколько адаптированные тезисы, опустив комментарии и реплики игроков, малопонятные нам, потому что зачастую относились к каким-то далеким событиям, другим мирам или были обыкновенными внутрикластерными сплетнями.

Партия.

1. Информация – основа мироздания. Отсутствие информации – это Ничто, и не трансцендентное «Ничто», когда просто не могут подобрать название, а именно – ничего. И если система самодостаточна, если ее можно осознавать изолированно, то в ней должна содержаться информация.

2-1. Информация – это не то, что хранится в памяти, это неопределенность. Энтропия – мера неопределенности и одновременно – мера информации. Хотя это кажется странным, потому что противоречит житейским представлениям.

3-2. Не только это противоречит житейским представлениям.

Энтропия – мера и свободы тоже. А свобода воли – осознанная неопределенность самой воли.

4-1. И не только это противоречит общим представлениям. Энтропия – источник и цель любого развития. Но одни ее считают ведущей к разрушительному хаосу, а другие, наоборот, – к тепловой смерти и неподвижности. И те, и другие ошибаются. Энтропия тем больше, чем больше различных состояний у системы и чем они равновероятнее. Хаос же, как и тепловая смерть, характеризуется одним единственным состоянием и поэтому имеет нулевую энтропию, если оценивать всю систему.

5-1,2 (первый двойной ход). Если замкнутая система должна обладать информацией, а информация – это энтропия, то источник энтропии должен находиться в самой системе. Но энтропия – неопределенность, а замкнутость системы – ее самодостаточность, когда любое изменение системы обусловлено и детерминировано самой системой. Возникает противоречие. С одной стороны, все явления должны быть связаны причинно-следственной связью, с другой – в них должна быть заложена неопределенность. И в любой замкнутой информационной области мы натолкнемся на источник энтропии – границу, на которой причинно-следственные связи и действуют, и не действуют одновременно.

6-5. Еще древние мыслители обнаружили эти границы в описании мира. Платон, например, подводя итоги одного из своих размышлений, писал: «По той же причине, когда единое переходит из единого во многое и из многого в единое, оно не есть ни единое, ни многое, оно не разъединяется и не соединяется; точно так же, переходя из подобного в неподобное и из неподобного в подобное, оно не есть ни подобное, ни неподобное, оно не уподобляется и не становится неподобным; наконец, переходя из малого в великое и равное, и наоборот, оно не бывает ни малым, ни великим, ни равным, не увеличивается, не убывает и не уравнивается. Существует ли единое или не существует, и оно и иное, как оказывается, по отношению к самим себе и друг к другу безусловно суть и не суть, кажутся и не кажутся».

7-5. Гедель обнаружил такую же границу в формальной логике и сформулировал две теоремы, которые в равной степени справедливы для любой формальной системы. В первой утверждается, что если система непротиворечива, то в ней существует невыводимое и неопровержимое утверждение. Во второй – что если система непротиворечива, то в ней невыводимо доказательство ее непротиворечивости.

8-5. Такой же границей в физике является вероятностное

поведение элементарных частиц, оно неопределенно и детерминировано одновременно. Каждое движение, назовем это так, частицы неопределенно в принципе, и в то же время эта неопределенность описывается законами вероятности.

9-1. Замкнутые системы граничат друг с другом, а некоторые – входят одна в другую. Та система, которая осознается в данный момент, является относительно данного осознания материальной, остальные – нематериальными. Так, когда мы бодрствуем, то материальным является этот мир, когда спим – мир сновидения. А когда наше осознание осознает себя в Царстве Божьем, то материальным становится именно он, а этот мир и мир сновидений становятся нематериальными.

10-9. Осознания проникают в замкнутые и самодостаточные системы сквозь их границы, на которых производится энтропия. В нашем физическом мире такой границей является вероятностное поведение элементарных частиц. Осознание может оказывать влияние на их поведение, и при этом система будет оставаться замкнутой. Система, можно сказать, не заметит вторжения извне.

11-10. Жизнь – способ передачи энтропии с уровня элементарных частиц на макроуровень. Жизнь – «вертикаль власти» от отдельных атомов в системе управления живым организмом до всего организма. Случайное движение одного электрона в атоме, случайностью которого управляет осознание, может привести к изменению во всем организме, которое в миллиарды раз больше, чем атом. В неживой природе такая зависимость крайне редка и имеет единичный характер. Тогда как в живой – это ее основное свойство и предназначение. Жизнь – диктатура отдельных элементарных частиц, управляемых осознанием. Благодаря жизни даже относительно неразвитые осознания могут управлять макрообъектами, какими являются живые существа.

12-11,3,6,2 (второй двойной ход). В наибольшей степени роль отдельной частицы, а, следовательно, и осознания, в управлении живым организмом проявляется, когда живое существо сомневается и когда его окончательный выбор случаен. Сама по себе случайность может быть порождением границы, производящей энтропию. Только сомнение является актом осознания этой случайности. Свобода воли – сомнение. Чем больше сомнений и чем они мучительней – тем выше степень осознания.

13 -12. Для сомнений нужны вера в причинно-следственные связи проживаемого мира, эмоциональные оценки событий и наличие сложного выбора. Без веры в замкнутость и детерминированность мира выбор не нуждается в напряженном

обдумывании и осознавании, достаточно подбросить монетку. Но самое главное, для сомнения нужны критерии – правильно и неправильно. А эмоции – своего рода индикаторы этих критериев. Чем эмоциональней выбор, тем он сложнее и тем выше степень осознавания.

14-13. Эмоциональным выбор может быть в условиях неопределенности или опасности. А это называется страхом и страданием. Рост уровня осознания и страдание – синонимы. Но страдание не статическое, а при наличии трудного выбора, и чаще, как принято говорить, из двух зол.

15-14. Это страдания тренирующегося. Осознания, переходя от одних замкнутых систем к другим, от более простых к более сложным, постепенно тренируются и усиливаются, готовясь воспринимать все большую и большую информацию, большую энтропию.

16-15. Если осознание уже натренировано настолько, что может охватить всю замкнутую систему, то осознает и ее границы. Пропадает вера в детерминированность мира и в критерии правильно-неправильно. Следовательно, пропадают и эмоции, и сомнения. Мир становится бесполезным для тренировки осознания, и оно покидает его, что воспринимается как освобождение от страданий. Но это лишь перерыв между тренировками. После него осознание поселяется в другом, более сложном мире, переходя на более высокий уровень. И тренируется, страдая, уже в нем.

17-16. Если осознание попадает на следующий уровень, в более сложный мир, не успев должным образом натренироваться, то воспринимает его как болезненный хаос, как ад. В лучшем же случае неподготовленное осознание снова возвращается в тот же мир заново проходить уровень. И это называется первородным грехом. В одном и том же мире осознание может появляться много раз, пока не натренируется должным образом. Это называется цепью перерождений.

18-10. Через системы человеческого организма энтропия передается от элементарных частиц всему организму, а через общественные институты – всему обществу.

19-18. Чтобы энтропия передавалась от элементарной частицы всему институту, необходимо, чтобы институтом в каждый момент времени управлял только один человек. И его управление должно быть основано на собственном осознавании, собственных сомнениях и собственной интуиции. Меньше же всего этим требованиям отвечает человек, для которого управление является самоцелью. Он не свободен, и фактически им управляют остальные, мнению которых он старается потакать.

20-19,9,3 (третий двойной ход). Осознания могут вселяться в живые или общественные системы с налаженным механизмом передачи энтропии. Так, например, какое-нибудь осознание может вселиться в целое общество, имеющее такой механизм, при условии, что его лидер руководствуется только собственной интуицией при решении вопросов и выборе пути развития. Через этого лидера, через элементарные частицы его нервной системы данное осознание может оказывать влияние на все общество. При этом и оно будет осознавать себя единым обществом-организмом, и общество будет ощущать свое единство осознания. И часто это ощущение связывают с религиозными воззрениями, а лидера считают проводником этого осознания, этого бога.

Конец партии.

Фреди и магистры какое-то время еще парили в своих креслах, вспоминая игру. И каждому, как всегда после партии, приходило на ум множество оригинальных ходов-тезисов, которые они могли сделать, но не сделали.

– И что теперь? Ослабляем? – спросил Фреди.

– Ждем, – коротко ответил Генри.

– Чего?

– Ослабить мир нужно ровно тогда, когда наши найдут Боба и будут готовы его извлечь.

– Да, я слышал, что вы нашли сразу два осознания третьего или выше уровня. Тогда, может, еще партию?

– В другой раз. Нельзя прозевать сигнал Лауры. А у тебя все готово?

– Обижаешь! – отозвался Фреди, показывая в руке гаджет, похожий на пульт дистанционного управления.

.

Глава 15

.

Бешеного Гарри, Лауру, Марка, Беллу и Леопольда привели в Центр управления городом и заперты в прозрачной камере для задержанных, в которой сразу начали отряхиваться от пыли. В такой же соседней камере находился (по какой-то пока непонятной причине) Мэр со своей женой. Гарри жадно вглядывался в голограммы, отражающие жизнь на всех кругах Золотого Города, но никаких изменений не происходило.

– Где сейчас мышь? – спросила Лаура у Беллы.

– Не знаю, – ответила девушка.

– Ну, а если просто предположить? – переспросил Гарри, видимо вспомнив, что главной их миссией является Боб в теле белой мыши.

– Говорю – не знаю, – начала раздражаться Белла.

– Но в любом случае нужно выбираться отсюда, – заметил Леопольд.

Гарри осмотрелся вокруг и жестами привлек внимание Мэра, который их видел, но не слышал. Так же знаками Гарри показал, что нужно организовать побег, на что Мэр показал, что это его не интересует и он здесь ненадолго.

– Прибыл командор Зельс Третий, – объявил откуда-то сверху женский голос.

В помещение вошла группа роботов, возглавлял которую, по-видимому, тот самый Зельс. Их сопровождали красивые девушки в обтягивающих комбинезонах, которые обычно бывают на девушках в фантастических фильмах.

Роботы остановилась перед камерами, и командор обратился к членам Братства Белой Мыши:

– Зачем вы расстреляли сушилку для аккумуляторов?

– Как сушилку?! – воскликнул Гарри. – Ведь это был генератор образов для купола, я был здесь, когда его устанавливали.

– Когда в нем отпала необходимость, мы его приспособили под сушилку.

– Отпала необходимость?

– Органическому информационному обществу не нужна пропаганда, не так ли? – произнес Леопольд. – Я слышал доклад на эту тему, во время одного из съездов журналистов-футуристов.

– В информационном обществе не информационные каналы управляют мнением граждан, – начал выдавать робот исчерпывающую справку, – а группы граждан управляют информационными каналами, вынуждая их транслировать только те факты и мнения, которые эти группы готовы воспринимать. Фильтрация ими самими информационных потоков превосходит по силе и избирательности любую пропаганду. Поэтому если в самом начале купол действительно играл роль фильтра, то сейчас в этом нет необходимости – каждый видит только то, что хочет видеть, и слеп к остальному.

– Ясно. Но тем более вы должны нас отпустить! Раз это всего лишь сушилка. Нам нужно спасти мир, – воскликнула Лаура.

– Мы предполагаем, что скоро все органические граждане превратятся в шизофреников, но вы нарушили 32 закона и предстанете перед судом по установленной процедуре.

В этот момент, как все равно для иллюстрации, над одной из девушек поднялся розовый пузырь и благополучно прошел сквозь потолок. Впрочем, на поведении девушки это не отразилось.

– Уже не перед кем представать будет, – заметила Лаура.

– Следуем протоколу 58, – сказал командор и развернулся,

чтобы уйти.

– Выпустите нас! За что нас задержали? – прокричал Мэр.

– Вы нарушили три закона, назвав толстую женщину толстой женщиной, – ответил им робот.

– Но она даже не слышала этого, – возразила жена Мэра.

– Отягощающие обстоятельства будут учтены на суде.

– Но я раскаиваюсь и обещаю исправиться. Вы же нас отпустите?! – опять воскликнул Мэр.

– По протоколу 52 вы будете свободны.

– Отлично!

– После того как мы согласуем с канцелярией вашего города полный доступ к истории ваших счетов, платежей, разговоров и просмотров в сети.

Роботы и девушки ушли, а Мэр на какое-то время замер, что-то напряженно обдумывая, затем повернулся к членам братства и, отчаянно жестикулируя, стал показывать, что ему нужно срочно бежать отсюда.

Гарри кивнул Мэру и стал ходить по камере, изучая каждый стык и пробуя их на прочность.

– Вот видишь, Гарри, – сказала Лаура, – к чему приводит твоя привычка сначала стрелять, а потом думать.

– Но эта привычка нас часто спасала.

– Это да, – примирительно согласилась девочка, – но похоже, что не на этот раз.

Марк гладил шею рукой и напряженно думал. Он уже понял, что Гарри способен на создание небольших иллюзий, но этого было недостаточно. Сомневаться в прочности конструкций не приходилось. Воображение юноши тоже сейчас гнуло и искажало линии помещения, словно испытывая их, и это тоже было бесполезно. Нужно было разрушить центральный компьютер, управляющий том числе и замками камер. И он знал множество анекдотов о том, как управляющая «умным домом» система буквально сходила с ума, столкнувшись с нештатной ситуацией.

– Пусть мэр начнет раздваиваться, – вырвалось у Марка.

– Зачем? – спросила Белла.

– Точно! – подхватил Гарри. – Пусть управляющая программа сойдет с ума. Лаура, свяжись с Мэром и объясни ему, что нужно делать.

Видно было, что Мэр вздрогнул, получив телепатический сигнал, и испуганно посмотрел в сторону членов Братства, которых Лаура тоже подключила к разговору. Потом он закрутил головой, отказываясь от предложения и показывая глазами на жену. Затем выслушал доводы Лауры, немного походил по своей камере, утвердительно кивнул, и тут же рядом с ним появился

проигравший выборы политик. Женщина, увидев его, испытала шок, но уже через две секунды снова обрела дар речи.

– Мы с ним встретились только один раз и то случайно, – начала оправдываться жена Мэра.

– Неполадки в системе датчиков, – провозгласил сверху женский голос центрального компьютера.

– А с ним мы ездили на море, когда ты от меня уходил. Я была так подавлена, – отреагировала женщина на второго двойника.

– Неполадки в системе управляющей замками, – раздалось сверху.

– Не знаю, кто тебе и что наговорил, но с ним у нас были сугубо деловые встречи в той гостинице, – прокомментировала женщина появление следующего двойника.

– Неполадки в системе, контролирующей систему замков и датчиков, – прозвучал голос компьютера.

– А с этим мы даже не разговаривали почти и встречались только месяц, да и то в парке.

– Неполадки в системе, контролирующей системы жизнеобеспечения центра.

– Не понимаю, причем здесь он вообще? Это был невинный флирт – он мне ничего не подарил.

– Неполадки в главной интеллектуально-логической системе.

– Меньше нужно ездить по командировкам!

В этот момент погасли мониторы, раздались щелчки открывающихся замков. А женский голос центрального компьютера, прежде чем отключиться окончательно, продекламировал стихотворение, видимо, собственного сочинения:

Покрывало у тебя спиритическое,
Может, слопаешь яйцо феерическое?
Или, может, покиваем болту,
Раз сгибает болт твою клевету?

Члены братства и группа политиков вырвались из своих камер. Политики, увлекая жену Мэра и подмигивая ей, устремились туда, где по их представлению должен быть выход. Но у членов Братства была другая цель.

– Белла, куда нам идти? – спросил Бешеный Гарри.

– Не знаю я, – насупилась Белла, которая не любила, когда на нее давили или когда ее поторапливали.

– Будем искать тогда, – сказал Леопольд и первым направился к прозрачной двери, через которую выходили роботы с девушками.

Члены Братства стали бегать по коридорам, открывая двери и

заглядывая в них. Но кроме застывших или выполняющих монотонные движения роботов, они никого не встречали. Видимо, центральный компьютер выполнял для роботов роль осознания и, отключившись, превратил их в своего рода шизофреников.

Искать мышь в таком большом помещении с множеством комнат и коридоров бессмысленно. Вся надежда была лишь на интуицию Беллы. Поэтому остальные члены Братства только для виду что-то искали, а сами исподтишка наблюдали за девушкой, пытаясь уловить ее малейшие движения. Однако Белла давала им немного информации, просто идя за всеми по коридору. Проходя мимо туалетных комнат, она спросила у Лауры, не хочет ли та в туалет. Девочка отрицательно покачала головой, и Белла вошла туда одна. Остальные члены братства тут же подбежали к двери и остановились в ожидании чуда. А в нескольких метрах от них командор Зельс Третий монотонно пинал стену.

– А для чего тут девушки? – задал Марк вопрос Гарри, который у него возник еще в камере.

– Не знаю, – ответил Бешеный Гарри, не сводя глаз с дверей в туалетную комнату.

– Сексизм какой-то, – бросила реплику Лаура.

И тут раздался долгожданный возглас Беллы: «Вот она!»

Мешая друг другу, они протолкнулись в двери и увидели, что Белла стоит в комнате для отдыха между растениями в кадках, аквариумами и клетками с птицами. А перед девушкой на столике с зеленой обивкой – клетка с белоснежно-белой мышкой.

– Ну наконец-то! – выдохнул Гарри.

– А времени-то совсем мало осталось, посмотрите наверх, – сказал Леопольд.

Потолок был прозрачным, и видно, как все небо стало розового цвета.

– Я вызываю магистров, – закатила глаза Лаура.

– Марк и Белла, соедините руки над клеткой, – сказал Гарри.

– Нечего стесняться, не в детском саду, – перебирал от нетерпения ножками Леопольд.

– Когда Лаура подаст сигнал, – продолжил Гарри, – магистры дестабилизируют этот мир еще больше. Оставшиеся осознания будут еще быстрее покидать тела. Ваша же задача – воспользоваться ослаблением мира и вытащить осознание Боба.

– И как это сделать? – спросил Марк.

– Просто желайте этого, а лучше вам никто не объяснит, – сказал Леопольд.

– Начинайте, – произнесла Лаура.

Взяв девушку за руки, Марк почувствовал волнение, которое

мешало ему собраться. И все равно он плохо понимал, что от него требуется. Он даже не совсем еще разобрался, что здесь происходит и на чьей он стороне. Юноша был больше озабочен тем, что его ладони начинают потеть.

Марк и Белла держались за руки, но ничего не происходило, только небо над ними становилось все более красным. Они одернули руки, и юноша сразу их вытер о карманы. Это движение и выпирающий карман заметила Белла.

– Ты еще не выбросил орех? – спросила девушка.

– Наконец-то! – вскричали Гарри, Лаура и Леопольд.

– Какой орех? – пробормотал Марк, бледнея.

– Который тебе дали Гога и Магога! – почти хором сказали все.

– Это маяк, на всякий случай, я никогда им не пользовался… – бормотал юноша.

Марк, был готов провалиться от стыда. Он даже мысли не допускал, что о злополучном орехе знают остальные, хотя те почти открыто об этом говорили. Сознание придумывало самые невероятные, но удивительно убедительные для самого себя объяснения этим словам, скрывая то, что считалось крайне постыдным.

– Мы все знали, – произнесла Лаура, – но магистры настаивали, что о нем тебе должна сказать Белла, и тогда, когда сама сочтет нужным.

– А я вообще про него забыла, – сказала девушка.

– Дай-ка сюда свой маяк.

Гарри протянул ладонь, а когда Марк положил в нее орех, сжал пальцы. Раздался хруст, и на ладони осталась только раздавленная скорлупа.

– Это обычный орех, – сказал Гарри, – он отбирал у тебя энергию, потому что это был орех предательства.

– Я не предавал!

– Неважно. Предательство, даже если ты его просто допускаешь, распыляет энергию. Собственно предательство и есть вопрос неэффективного использования силы. Сам факт того, что ты таскаешь с собой какую-то штуку, которую тебе дали наши противники, мешало тебе использовать свою энергию в полную силу.

– Для этого они тебе его и дали, – заметила Лаура.

– Служение – единственный способ оптимально использовать энергию и энтропию, – добавил Леопольд, – ты должен одновременно и сомневаться, и действовать так, будто ни в чем не сомневаешься.

– Ты готов? – спросил Гарри у Марка.

– Да, – сказал юноша, почувствовав, что переспрашивать о том, к чему именно он должен быть готов, было неуместно. Он действительно готов был действовать вместе с Братством, как если бы не сомневался и в то же время не переставая сомневаться.

И они опять с Беллой взялись за руки. Небо над ними уже стало малиновым.

– Думайте о своих мамах, не думайте о Бобе, – дала напутствие Лаура.

И этот совет подействовал. Марк почувствовал необычайную энергию, идущие через руки Беллы, а мысли о его собственной матери, как будто включили мощный генератор в нем самом. На мгновение они впали в состояние, которое еще не могли осознать и которое для них стало просто провалом в сознании. Но когда они пришли в себя, на столике стоял импозантный мужчина средних лет в белом костюме. Спрыгнув и обняв их за плечи, он представился:

– Боб. Но вы это уже знаете. Впрочем, я вас тоже уже знаю.

Боб повел Марка и Беллу вглубь комнаты. Небо над ними стало светлеть, а сзади Лаура и Гарри безуспешно пытались пробиться сквозь невидимую силовую стену, которой Боб отгородился от них.

– Признаться, вы меня удивили, – продолжал Боб. – С вашими мамами будет все хорошо. А специально для вас я проведу одну интереснейшую экскурсию, которой удостаиваются очень-очень немногие.

Марк и Белла не успели ничего сказать и ничего подумать, как оказались в уже знакомом розовом тумане.

.

Глава 16

.

Туман рассеялся окончательно. Но окружающее само по себе было нечетким и постоянно меняющимся. Причем и Марк, и Белла видели его по-разному. Боб движением головы предложил им следовать за собой, хотя этого и не требовалось. Они плыли в пространстве вслед за ним помимо своей воли.

– Это моя фабрика грез, – с довольным видом хозяина сказал Боб. – Здесь проектируются новые миры, которые я потом передаю Председателю и Фреди, и здесь же я уничтожаю некоторые старые. И, кстати, сегодня нужно уничтожить три таких мира.

Марк и Белла вслед за Бобом пролетали мимо больших пузырей, которых здесь было, по всей видимости, около сотни, пока не влетели в один из них, такой же, как и остальные по размеру, но более красный.

Внутри пузыря Марк увидел подобие физической лаборатории, а Белла – что-то похожее на операционную. Существо, которое встретило их, они тоже видели по-разному. Марк видел грифона с головой орла и лапами льва, Белла же видела большую говорящую курицу.

– Это Ципломен, – представил существо Боб. – Он введет вас в курс дела.

– Я проектировал физику, – сказал Ципломен, осмотрев юношу и девушку своими птичьими глазками. – В моем распоряжении изначально был мир, состоящий из множества событий-вспышек, которые, как казалось, были хаотичными. И нужно было сделать так, чтобы они перестали казаться хаосом. И тогда я придумал вероятность.

– Что вы придумали? – невольно вырвалось у Марка.

– Вероятность, – с гордым видом повторило существо, – благодаря ей любой хаотичный набор событий можно подогнать под любые законы. Лишь бы таких событий было много. Тогда каждое отдельное событие может не подчиняться закону, но среди большого числа событий всегда можно найти такие, которые в среднем будут соответствовать любой закономерности.

– Это как с монеткой, – вставила Белла, которая начала привыкать к ощущению невесомости. – Каждый раз может выпасть что угодно, но при большом количестве бросков число выпавших орлов и решек примерно одинаково.

– Да, именно так. А еще вероятность – источник энтропии для самодостаточных систем.

Пока они говорили, на внутренних стенках пузыря показывались картинки из жизни, очевидно, данного мира. Виды были красивыми, но какими-то холодными и отстраненными.

– Живые существа этого мира перестали в нем нуждаться, они разорвали цепь перерождений. Кто сам, а кому и помогли, – продолжил Боб. – Теперь этот мир не нужен, он свое отработал. И если никто не возражает против того, что я властелин этого мира, – я его выключаю.

Боб, пристально вглядываясь в лица Беллы и Марка, взялся за подобие рубильника и, выждав секунду, опустил его. Изображение мира пропало, и вместо него появилась зияющая холодная дыра.

– Приступай к следующему проекту, – буднично сказал Боб Ципломену.

– Конечно, – ответил тот, – и у меня уже есть одна гениальная задумка, еще более гениальная.

Втроем они вылетели из неуютного пузыря.

– Эта курица много о себе воображает, – сказала Белла.

– Это точно, – согласился Марк.

Затем они влетели в другой пузырь, мир которого казался гораздо более уютным, чем предыдущий. На его стенках отображались взрослые и дети, и все были счастливы.

– Акропус, инженер этого мира, – представил Боб кентавра, который переминался перед ними с копыта на копыто с виноватым видом.

Для Марка у Акропуса над лошадиным крупом возвышался некогда мощный человеческий торс, но сейчас дряблые мышцы и длинная густая борода свидетельствовали о преклонном возрасте. Он бросал взгляды, полные любви и умиления, на картинки из жизни своего мира и внимательно всматривался в лицо Боба, пытаясь угадать его намерение и томимый мрачным предчувствием.

Белла же видела его обычным, но только чем-то обеспокоенным стариком.

– В этом мире, – начал рассказывать Акропус, – я использовал волны вероятности. От каждого события исходят волны вероятности. Следующее событие, которое связано с предыдущим, может возникнуть на гребне одной из этих волн. Чем меньше расстояние между волнами, чем больше частота, тем больше вероятных событий, и тем выше энергия и больше масса так называемой частицы. На самом же деле нет никаких частиц, есть ряд событий, которые мы приписываем одной частице и которые связаны между собой волнами вероятности.

– Корпускулярно-волновой дуализм частиц? – вырвалось у Марка, который интересовался такими вещами.

– Да, – ответил Акропус, но без гордости и даже с какой-то горечью. – Отсюда вытекает явление, известное как влияние факта наблюдения на результат эксперимента. Наблюдение влияет на волны вероятности, потому что и то и то – изменения информационного поля. А непрерывно существующих материальных частиц не существует вовсе, лишь связанные между собой волнами вероятности события, приписываемые той или иной частице.

– Это замечательное изобретение мы используем и в других мирах, и я уверен, что Акропус порадует нас еще новыми идеями, – сказал Боб. – Сейчас же мы сделаем то, зачем пришли. Этот мир перестал выполнять свое предназначение. Все его обитатели просто счастливы, просто влюбляются и просто размножаются, и все это на фоне беспроцентных неограниченных кредитов. Бабий рай какой-то, и это, кстати, твоя, Акропус, недоработка. Теряешь хватку.

С последними словами Боб взялся за рукоятку такого же

рубильника, как и в прошлом мире. На Акропуса было больно смотреть, старик жадно всматривался в картинки ускользающего счастья.

– Все произойдет быстро, – сказал Боб Акропусу. – Это будет метеорит, но у них будет время собрать свои воспоминания, а об их осознаниях мы позаботимся и всех пристроим.

И опять, внимательно посмотрев на Марка и Беллу, он опустил рубильник. Мир задрожал и лопнул, превратившись в тысячи куда-то мчащихся розовых пузырей. Раздался многотысячный хор, издававший крик, похожий на крик Аломеха. Вихрь пузырей пронесся, оставив тишину и пустоту вокруг растерянного Акропуса.

Боб вылетел из пузыря, а за ним последовали и Марк с Беллой, которые по-прежнему не управляли своим движением.

– Жаль деда, – искренне сказал Марк.

– Очень, – согласилась с ним Белла.

– Ему не привыкать, – ответил Боб, почувствовав, что Марк и Белла ждут оправдания его действий, чтобы как-то оправдать собственное бездействие, – его миры выключали уже раз десять. Конец света – удел каждого мира. К тому же прямо сейчас он приступает к двум новым проектам. Они его отвлекут от этой потери.

Все трое влетели в следующий пузырь. Марку и Белле он показался не таким радушным, как предыдущий, но и не таким отстраненно холодным, как первый. И видели они его почти одинаково. Сейчас их объединяло общее ощущение, что они что-то потеряли. Это ощущение росло каждый раз, когда пролетали между пузырями. Неясные тени, которые они оба видели уголками глаз, порождали раздражающее ощущение того, что они потеряли что-то важное, но не могут вспомнить, что именно.

– Парис, инженер этого мира, – представил Боб мужчину средних лет в белом халате, который был явно удивлен этим визитом. – Расскажи о своем эксперименте.

– В этом мире для разных наблюдателей явления могут быть проявлением разных законов, могут меняться время, расстояния… Все может быть разным. Но для всех наблюдателей будет сохраняться последовательность событий. Причина – раньше, следствие – позже. И если для одного наблюдателя существует цепочка событий, связанных между собой причинно-следственной связью, то все остальные будут наблюдать существование этих событий в той же последовательности и тоже связанными между собой причинно-следственной связью. Хотя и действующие физические законы, и время между событиями, и их внешний вид, и расположение в пространстве могут быть

разными.

– А для чего вообще такие сложности? – спросила Белла. – Разве нельзя было наделать обычных миров?

– А разве это не обычный, – улыбнулся Боб, указывая на внутреннюю стенку пузыря, отражающую знакомые пейзажи и города.

– Мы проектируем миры-тренажеры, – сказал Парис, которого немного задело предположение девушки о том, что мир можно было сделать и «попроще», – поэтому они должны содержать некоторые противоречивые свойства. Если осознание не готово, то мир должен быть самодостаточен, а если подготовлено, то должна быть возможность разглядеть в нем проявления Абсолюта и знаки богов, дойти до границ. Каждый должен взять от мира по своим возможностям. И каждый должен быть прав, чтобы иметь возможность для сомнений. Мир должен соответствовать физическим законам, и в то же время он должен регулироваться со стороны. Все это делает нашу физику очень запутанной и противоречивой для случайного наблюдателя.

Марка и Беллу все больше привлекали образы, показываемые пузырем, все больше и больше возникало чувство узнавания. И когда Боб взялся за рубильник, Марк и Белла увидели двух женщин. Одна из них открывала дверь квартиры, а вторая что-то готовила на плите. Сомнений у девушки и юноши уже не было, это был их мир и это были их матери.

– И если никто не возражает против того, что я властелин этого мира, – я его выключаю, – произнес Боб, готовясь опустить рукоятку рубильника и, казалось, не замечая крайнего удивления Париса.

– Нет! – закричали Марк и Белла, одновременно оказавшись перед Бобом и оттолкнув его от выключателя.

И снова все закружилось, и стало разрываться на множество кусочков. И снова все начало собираться воедино. И в этом заново создаваемом мире Марк увидел, вернее, почувствовал магистра Петра, который каким-то образом подхватил его и Беллу и увлек за собой.

.

Глава 17

.

Марк смотрел на магистра Петра, образ которого становился все более материальным. А когда лицо магистра «проявилось» во всех деталях, юноша обнаружил, что они втроем, вместе с Беллой стоят на вершине очень высокой горы. Вершина была совершенно плоская, с удобными для сидения камнями, на которые магистр предложил присесть. Внизу пушистыми хлопьями проплывали

облака.

– Что с мамой?! – сразу спросила Белла.

– И с вашими мамами, и с вашим миром все в порядке. Пока, – с улыбкой ответил Петр.

– Пока?

– Все стало приходить в норму после того, как вы вытащили Боба из мышки.

– Но он потом хотел отключить наш мир, – сказал Марк.

– На самом деле он вас брал, как говорят, на понт, – продолжал улыбаться Петр, – он не мог, согласно Небесной Оферте, отключить еще не отработанный мир.

– Зачем же он?..

– Когда его вытащили из тела мыши, он понял, что вы – осознания третьего или выше уровня, и решил импровизировать: попробовать использовать вашу силу для достижения своей цели.

– Нас использовать?

– Да. И вы справились настолько блестяще, что до сих пор все потрясены.

– Мы же ничего не делали.

– Когда Боб показал ваших матерей и сказал, что якобы своей властью над этим миром отключает его, вы в едином порыве лишили его этой власти. И так легко, как будто просто щелкнули пальцами. Боб сейчас и счастлив, и напуган одновременно.

– Почему напуган?

– Да. Он, конечно, рад, что добился своего, но легкость, с какой вы разорвали его связь с миром, указывает на то, что один из вас – сон осознания с невообразимыми возможностями.

– И чего он боится?

– Он не знает, какие у вас цели и станете ли вы его врагами. Он не знает, чего от вас ожидать, и не понимает границ ваших способностей.

– Нам бы только чтобы наш мир не разрушился, – сказал Марк.

– Что там сейчас? – спросила Белла.

– Посмотрим, – ответил Петр и встряхнул руками.

Над площадкой повис полупрозрачный шар. Марк увидел в нем свою мать, а Белла – свою. Мама юноши сначала осматривала кран в ванне, потом прошла в комнату на звук готового чая. Все было как всегда, когда она приходила с работы. То, что увидела Белла, наверное, ее тоже успокоило.

Потом изображение сменилось, и все увидели одно и то же – улицы Золотого Города. Но теперь он напоминал прифронтовую зону. Были слышны выстрелы и взрывы. Солдаты довольно грубо хватали растерянных жителей и распределяли их по палаткам, а

кого-то сразу тащили во временный госпиталь. Полковник, окруженный детьми, раздавал приказы и печенье. А в длинной очереди к машине с гуманитарной помощью стояли все двойники Мэра и делали вид, что не знают друг друга. Потом появилась Гера, бережно держащая растерянную матушку Сью за локоть. Гера почувствовала, что за ней наблюдают, взглянула прямо из шара в глаза магистру Петру и кивнула головой. Шар задрожал, как будто был сделан из желатина.

– Что там произошло? – спросил Марк.

– Вы уничтожили компьютерную систему, которая обеспечивала и защищала город. И на него тут же напали Серые Братья. Сейчас они уже воюют и с Содружеством Городов, и с Недообществом, на два фронта.

– Все из-за нас?

– Можно и так сказать, но смотреть нужно шире, – сказал Петр и убрал шар, приготовившись объяснять: – Для сомнений, тренирующих осознание, нужно находиться между двух крайностей, в обстановке, далекой от комфорта. Поэтому Боб и Фреди, эти наши гении усложнять жизнь другим, придумали Недообщество.

– Придумали? – эхом повторила Белла.

– Да. Теперь и в вашем, и во многих других мирах сосуществуют три типа общества. Первое – с идеологией комфорта душевного и физического, идеологией органики. Там уверены, что цель жизни – всеобщее, радостное ее проживание. Это органический, животный подход. Второе – с идеологией, в которой интересы органики, либо вообще не учитываются, либо уходят на задний план. Это либо религиозная идея, либо идея, превращающаяся в подобие религии. Данный подход сугубо человеческий, оторванный от органики, основанный на абстрактных идеях, на которые, если мы говорим о вашем мире, способен только человек. В обоих идеологиях мало сомнения, и в них только свои ценности считаются единственно верными для всех. Но существует и третий тип общества, которое представители первых двух называют Недообществом и считают лишь переходной формой к своей противоположности. Поэтому одни видят в нем лишь переход к фашизму и религиозному фундаментализму, а другие – к избалованному, тошнотворному, лишенному высоких принципов обществу потребления и вседозволенности. В Недообществе же все перемешано. Это средний путь, но путь не компромиссов, а противоречий и разнонаправленного движения. Постоянные споры по поводу выбора пути, постоянное столкновение разных систем ценностей создают наиболее благоприятную атмосферу для сомнений,

конечно, для тех, кто в этих спорах не участвует.

– В смысле?

– Те, кто яростно спорит, тоже не сомневаются. А вот слушающие их – да. Это общество сомнений, страданий и трудного выбора.

– А без этого всего нельзя? – спросила Белла.

– Миры созданы для тренировки осознаний. А чем мучительней сомнение, чем сильнее страх ошибиться, тем глубже и качественней осознавание. Недообщество с максимальной степенью тренирует осознания и выполняет предназначение мира. В нем самый широкий спектр отношений, взглядов, противоречий, страхов и поэтому самый богатый нюансами язык.

– Тогда для чего остальные? Пусть бы тогда только это Недообщество и оставили, раз в нем вся соль.

– Все дело в том, что это командная работа, – улыбнулся Петр, – без крайностей не было бы и этой середины. А роли все время меняются. Меняются географические границы этих типов обществ, и каждое осознание с каждым перерождением попадает то в один тип общества, то в другой. Каждый по очереди то обеспечивает появление сомнений у других, то собирает урожай сомнений сам.

– А Золотой Город – общество первого типа? – спросил Марк.

– Все Сообщество Городов – первого типа. Но у Золотого Города были и свои особенности. Во-первых, его устойчивость и жизнедеятельность полностью обеспечивала компьютерная система. Это позволило оградить жителей от реальных процессов и создать жизнь без сомнений. Осознания не развивались – без страхов и сомнений человек осознает лишь поверхностно. А во-вторых, осознания после перерождения возвращались в тот же город, и об этом уже позаботился Боб, поэтому развитие этих осознаний было остановлено почти полностью.

– Так Золотой Город и есть…. – осенило Марка.

– …тюрьма для осознаний, – подтвердил Петр, – которую вы разрушили.

– Ничего себе, – только и сказала Белла и задала вопрос, который ее очень интересовал: – А как у нас с Марком получилось освободить Боба?

– Когда вы взялись за руки, Фреди ослабил мир, а ваше намерение сделало все остальное.

– Фреди?

– Он своего рода главный инженер нашего кластера. Полагаю, вы с ним еще познакомитесь, но на вашем месте я бы не очень торопил это знакомство, – широко улыбнулся Петр.

– Почему?

– Он вас сразу превратит в объект своих экспериментов.

– А что теперь нам делать? – спросила Белла, которая больше всего сейчас хотела увидеть маму.

– Мир благодаря вам, спасен, и вы вернетесь домой.

– Все закончилось?

– Ну нет, – рассмеялся Петр, – во-первых, изменения никогда не заканчиваются. А во-вторых, вы очень громко раструбили на всю вселенную о своих возможностях. Уверен, что легкость, с которой вы отключили Боба от его мира, сейчас обсуждают во всех уголках кластера. Десятки богов и магистров уже думают о том, как можно вас использовать или забрать у вас вашу силу.

– И что нам теперь делать? – повторил вопрос девушки Марк.

– Могу только сказать, что бы я на вашем месте делал.

– И что бы вы делали?

Облака под вершиной пришли в движение.

– Я бы… боялся и ждал, – ответил спокойно Петр с видом, с которым обычно советуют расслабиться и «не брать в голову».

Облака, как молоко на огне, начали быстро подниматься, поглощая всех троих. Марка, уже привыкшего к перемещению в тумане, это не беспокоило. Ему было интересно, кто из них двоих, с Беллой, которая, кстати, первый раз назвала его по имени, то самое невообразимо мощное осознание, про которое говорил Петр.

.

Эпилог

.

Кларк Л., сидя спиной к электрическому камину, смотрел на звездное небо и откусывал кусочки обожженного на искрах искусственного белка. Треугольный индикатор, который сейчас светился холодным белым светом, освещал сидящих.

– Еще они могут прилететь отсюда, – сказал Кларк, указывая на какое-то созвездие.

– И это может быть, – согласился Призрачный Осел.

– Но тогда бы они летели триста лет.

– А что такое триста лет? – спросил Бартоломей Второй.

– Хотел бы я знать, – ответил Кларк.